

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

Я-ПЕРВЫЙ

Офицеры

Сергей Зверев

Я – первый

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Я – первый / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Офицеры)

Капитан милиции Сергей Крохалев и собровец Артур во время марша неожиданно оказались на территории, контролируемой чеченскими боевиками. Заехать сюда оказалось намного проще, чем вернуться. Молодым офицерам пришлось пережить и преследование бандитов, и плен, и голод. Но они выжили вопреки всему. После войны судьба вновь сводит их на операции по обезвреживанию банды террористов. И опять боевым друзьям приходится действовать по принципу «я первый – ты прикрываешь». Это главное правило боевого братства дает им силы и уверенность в победе...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Я – первый

Пролог

Летом 2002 года в исправительно-трудовую колонию, расположенную на Северном Урале, прибыл очередной этап. Это рядовое событие никак не повлияло на обычный распорядок дня в ИТК и не взволновало ни обитателей этого учреждения, ни его сотрудников, ни военнослужащих войскового караула и наряда.

Две запыленные спецмашины остановились у громадных тяжелых деревянных ворот, скрепленных стальными полосами. Ворота были уже старыми, это было заметно по крупным, тяжелым доскам, которые потемнели от времени, морозов и солнца. Согласно инструкции, их давно уже требовалось заменить на металлические, но это дело было дорогостоящее, да и в суровом уральском климате за железом требуется постоянный уход, и поэтому администрация колонии не спешила браться за это мероприятие.

Справедливо рассудив, что побега «на таран» изнутри специального учреждения вряд ли стоит опасаться, так как никакие автомобили на территорию колонии не заезжали, за исключением грузовика, который раз в неделю привозил дрова для зэковской кочегарки, и зная о том, что часовые с вышек всегда успеют расстрелять любое транспортное средство, которое рискнет на такую затею, «хозяин» ворот не обновлял.

Несмотря на внешнюю массивность, ворота раскрылись быстро и бесшумно, пропустив на осмотровую площадку два «газона» с железными будками, в которых находился конвой и отделенный от него массивной решеткой «спецконтингент». Начальник караула с помощником быстро приняли небольшой этап из сорока трех человек, дважды пересчитали осужденных, еще раз сверили их количество с количеством личных карточек и передали «живой» груз сотрудникам ИТК.

«Кум» (оперативник колонии), худощавый человек в форме, примерно около сорока лет от роду, с пронзительными чистыми серыми глазами на рано постаревшем морщинистом лице, встречал всех проходящих мимо него «новеньких» внимательным взглядом. И практически никто из вновь прибывших не смотрел ему в глаза. Человек за решеткой быстро приобретает давно забытые навыки выживания, и проходящие мимо офицера люди инстинктивно понимали, что мериться с ним волевым напряжением глазных и лицевых мышц не стоит.

Литвирук курил и равнодушно оглядывал неровный строй осужденных. Ничего нового или незнакомого в этой десятки раз повторяющейся ситуации для него не было. Этап как этап... Если бы среди зэков был хоть какой-нибудь авторитетный заключенный, который мог бы повлиять на оперативную обстановку в колонии, то оперативника об этом бы предупредили спецсообщением. А так... обычный сброд.

Взгляд капитана, безразлично обегая одинаково стриженных и одетых людей, вдруг остановился на крупном и хорошо сложенном зэке. Наголо бритый человек с черными глазами выделялся среди своих остальных собратьев. В нем не чувствовалось забитости и униженности, которая приобретается за долгие годы «отсидки» почти каждым как средство быть незаметным. Он стоял прямо, распрямив спину, вольно опустив руки, зэковский мешок с нехитрым имуществом лежал возле его ног, и осужденный, подняв голову, неторопливо оглядывал тесное помещение с высоко поднятым забором.

Независимая и свободная поза, вот в чем дело, понял спустя несколько секунд капитан. Зэк не авторитет, это понятно, но характер в нем чувствовался.

Вот новичок перевел взгляд на капитана и принялся спокойно рассматривать его. Он, не мигая, встретил сначала удивленный, а затем и раздосадованный взгляд Никиты Петровича.

Оперативник сначала растерялся. На своем веку он видел сотни, тысячи заключенных, множество характеров, лиц, которые прошли перед ним за годы его службы, но действительно сильные люди среди них встречались редко. Впрочем, как и в повседневной жизни. Но сейчас поведение этого человека было необычным... нет, обычным, если бы они увиделись где-нибудь в очереди на автосервисе. Но ведь они встретились в зоне!

Это в относительно сытых условиях существования, которые иногда именуется жизнью, основному количеству людских особей абсолютно наплевать на своего соседа или знакомого, если только он не мешает им обдѣлывать свои насущные делишки. И поведение у них соответствующее. Но жизнь в местах лишения свободы очень своеобразна, и у нее есть свои законы. Первый из них – никогда не ссорься с «хозяином» и «кумом» колонии и не вызывай у них недовольства. Ведь тот или другой способен превратить жизнь заключенного в тяжелейшее испытание, из которого не каждый сможет достойно выйти. Закон простенький, но он исходит из бесчисленного, потного и кровавого опыта миллионов заключенных и поэтому является единственно правильным.

А этот кавказец явно не собирался прятать глаза и не хотел становиться незаметным. А может, они уже знают друг друга?

Никита Петрович напряг память. Широкое, почти что круглое лицо, черные заметные овальные брови, крупные упрямые губы... нет, он этого человека никогда раньше не видел, за это капитан мог бы поручиться... тогда получается, что этот человек – псих. Обыкновенный псих, у которого что-то неладно с головой. Нет, опять не сходится. Капитан знал по опыту, что такие долго на свете не заживаются. Таких независимых все равно кто-то согнет. Или администрация, или блатные. А по неуловимым признакам, которые не видны постороннему, но сразу заметны опытному человеку, капитан сразу определил, что этот зэк явно не новичок. Да и подругому не могло быть. С первой судимостью на строгий режим не попадают.

Что тогда остается? Получается, что это или авторитет, о котором не знает оперативник (а это невозможно в принципе), или это агент администрации (о чем «кума» незамедлительно поставили бы в известность), или это больной на голову человек, не признающий законы зоны (что тоже вряд ли может быть), и что этого человека Никита Петрович видит впервые в жизни.

По всем неписаным зонамским законам такой прямой, долгий, независимый, уверенный, не скрывающий своей силы взгляд заключенного считается дерзостью. И вновь прибывший не мог этого не знать.

Капитан несколько раз мигнул и невольно отвел глаза. Всего лишь только на секунду. Затем опомнился и уже угрожающе уставился на наглого зэка. Но тот с любопытством крутил головой, рассматривая тесное пространство осмотрового дворика, в котором принимали этап. «Кум» неторопливо, не отрывая от него глаз, повернулся к своему заму, который стоял тут же, и распорядился:

– Личное дело вот этого, – он показал кивком, – ко мне на стол... немедленно.

Всех прибывших направили в пересылочную камеру, где они будут жить отдельно от всей зоны несколько дней, ожидая, пока администрация колонии изучит их дела и затем рассортирует людей по отрядам и баракам.

Офицер задумчиво закурил. Он бы мог уже уйти по своим делам, его работа начнется с этим контингентом завтра... или послезавтра... или через неделю. В колонию строго режима на год или два не направляют, минимальный срок заключения – пять-шесть лет, так что «кум» мог не торопиться... но что-то его задело. Да, этот взгляд... слишком независимо держится этот зэчара... а вот почему? Причину этого капитану хотелось узнать побыстрее. Неясное беспокойство проскользнуло в душе и исчезло. Капитан вздохнул и нахмурил брови. Можно было и не придавать этому значения, ну подумаешь, какой-то урюк не спускал с него глаз... Ну дога-

дался, что капитан может превратить его жизнь в ад или в рай, в зависимости от настроения, вот и тарашился, как баран на волка, ну и что...

«Петрович, это далеко не баран... и лучше побыстрее узнать, в чем тут дело. Не нравится он тебе, ты уже понял, что не нравится, причем явно. И проблем с ним будет выше крыши, вот увидишь. Иди и разбирайся», – сказал капитану внутренний голос.

«Кум» за долгие годы в колонии привык анализировать свои чувства и вполне доверял им. И он знал, что раз есть такое нехорошее ощущение, то, значит, надо побыстрее от него отделаться. Разобраться, короче. А для этого существовал один путь. И сейчас он раздумывал над тем, как бы, не вызывая подозрений, дать задание своему «стукачку», который безвылазно жил в пересыльной, или, как ее еще называли, «транзитной», камере и исправно снабжал капитана скрытыми в свое время от следствия сведениями об «интересных» фактах и событиях из жизни осужденных.

Это был матерый зэк, отсидевший уже пятнадцать лет в различных тюрьмах и зонах. Самым блестящим его достоинством как агента была его биография. Он имел четыре ходки, и в любой момент его личность, как «правильного бродяги», могла быть подтверждена любым мало-мальским авторитетом в любой тюрьме России. Бесчисленными татуировками было покрыто все его тело, создавая при первом взгляде нереальное ощущение, что кожа у этого человека синяя. Расхожая фраза из известного кинофильма «Твой дом – тюрьма!» как нельзя кстати подходила к нему. Родных у агента давно уже не было, а двоюродная сестра поспешила забыть о его существовании. Да он и не печалился. Имея от природы сильный характер, этот человек привык рассчитывать только на себя. Он прекрасно усвоил законы тюремного мира и приобрел в нем определенный авторитет. Сексуальный голод он утолял, ломая и подчиняя себе парней, склонных к гомосексуализму, причем теснота и скученность «пересылки» ничуть не мешали ему. За многие годы жизни в неволе он научился моментально определять таких чуть ли не с первого взгляда. И мужчины со временем даже начали вызывать у него симпатию.

С администрацией ИТК агент уже давно наладил тесный контакт, в глубине души понимая, что, скорей всего, остаток своей жизни он проведет за решеткой. Он имел рациональный ум и давно уже сделал правильные выводы. К тому же работать «подсадной уткой» ему нравилось. Все равно в камере скучно, да он и ничем практически не рисковал. Люди приходили в «пересылку» и уходили оттуда в зону, и проделать обратный путь для них было невозможно. Так что если кто и догадывался о неблагоприятной роли авторитета в «пересылке», то предъявить ему что-либо уже не мог. Это был одиночка от природы, и никто на свободе не ждал с нетерпением агента. Ни родные, ни давно забытые друзья, да и к кому он придет? Иногда с удивлением агент ловил себя на мысли о том, что с ужасом ждет своего освобождения. Что он будет делать на свободе? Кто его будет кормить? Где он будет жить?

Работу он не переносил органически, да и с такой биографией и внешним видом любой кадровик шарахнет от него, как от привидения, даже не взглянув в его паспорт. Слишком много времени прошло с тех пор, когда за этим человеком первый раз закрылись тюремные ворота... слишком много.

Это был бесценный кадр, и «кум» тщательно берег его.

«Придется вызывать его на беседу вместе с остальными в порядке очереди... Не вызовешь же его одного! Сразу догадаются... и этот догадается самый первый!» – тотчас же почему-то уверенно подумал офицер о «внимательном» заключенном и сплюнул изжеванную сигарету. Он с удивлением понял, что так сильно задумался, что даже забыл прикурить. Никита Петрович усмехнулся. Откладывать на завтра знакомство с «тем» зэком не хотелось, но и за пять минут оперативную работу не сделаешь. Нельзя «засвечивать» своего человека, его вызов на профилактическую беседу к «куму» должен быть максимально законспирирован десятком других вызовов.

«Ладно, вечер пропал, да в принципе какой там вечер. Что там сегодня? Покерок у Андрея? Да ну его, надоело уже... а выпью я сегодня с Виталькой, когда закончу, он все равно до утра дежурит».

Приняв такое решение, капитан усмехнулся, поправил ремень и бодрым шагом пошел к себе в кабинет.

* * *

– Осужденный Тимраев явился, гражданин начальник! – проговорил человек в черной одежде и с бритой наголо головой и не спеша назвал свою статью и срок, на который был осужден.

Никита Петрович Литвирук отложил в сторону личное дело заключенного, поднял голову и принялся рассматривать Тимраева. Предложить присесть он ему пока не спешил.

Между этими двумя людьми, как, впрочем, и между всеми сотрудниками колонии и подучетным контингентом, существовала глубокая и незримая пропасть. Одни нарушили закон и поэтому были задержаны государством, арестованы и лишены свободы, другие исполняли приговор – то есть содержали первых под стражей. Нормальных отношений между первыми и вторыми не могло быть, так как человек, даже самый смелый, всегда в глубине души слегка боится и никогда не доверяет другому человеку, который хоть раз в жизни побывал за решеткой.

Если сотрудник ИТК оказывал знаки внимания какому-либо осужденному (здоровался за руку, называл по имени-отчеству), то авторитет заключенного среди своих братьев сразу же резко повышался. Это говорило о том, что человек, лишенный свободы, не имеющий никаких гражданских прав, кроме права на труд, все же смог завоевать себе уважение у офицеров как сильная личность, которая не сломалась в столь противоестественных жизненных условиях. Нормальные люди всегда уважают чужое мужество и невольно выделяют его.

Литвирук это прекрасно знал и здоровался за руку только с двумя людьми в колонии. Один спас его на лесоповале от падающего дерева, оттолкнув в сторону, а другой был земляком «кума» из одной деревни и знал того с детства.

А этот Тимраев был для капитана никто, и звали его – никак, хоть и ради него сегодня «кум» не пошел играть в карты. Уважением (чисто человеческим уважением) у капитана он не пользовался, поэтому и относиться к нему можно было, как к деревянной табуретке. Пусть выполняет свои функции, и тогда ее не выбросят.

Тимраев выглядел хорошо. Даже обычная эковская черная роба шла ему. Она была ушита по фигуре и выглядела опрятно. Литвирук понимающе хмыкнул. Именно в местах заключения поговорка «встречают по одежке...» была актуальна, как нигде. Если на светском рауте одежда определяет хозяина как владельца приличной суммы денег и факт наличия собственного дизайнера, то в местах не столь отдаленных одежда определяет наличие характера. Очень трудно годами следить за своим внешним видом в таком специфическом заведении. Женщин здесь нет, перспектив выйти на свободу в ближайшее время – тоже, а бриться, мыться, чистить зубы и содержать в порядке свою невзрачную одежду приходится каждый день. На это требуется воля. Как говорят опытные эки, когда человек перестает за собой следить, то до конца срока он не доживет. Либо «вздернется», либо уйдет в побег с вполне предсказуемым концом. Статистика таежных зон неумолима. Сто процентов «побегушников» задерживаются практически всегда либо уничтожаются.

Значит, судя по внешнему виду, с характером у Тимраева все было в порядке.

– Тимраев Муса Казбекович? – спросил для порядка «кум», не переставая наблюдать за осужденным.

– Так точно, гражданин начальник... – равнодушно ответил Муса, продолжая стоять у порога с зажатой в правой руке кепкой, которую он, согласно порядку, снял при входе. Напряжения в его позе не чувствовалось.

Капитан чуть поморщился. Опытный, зараза, опытный. Ну, делать нечего, надо работать дальше. Сначала он хотел попытаться найти какой-нибудь психологический ключик, чтобы добиться доверия и откровенности этого Тимраева, но при более близком взгляде на него передумал. Битый-перебитый, его конфетками с чаем не купишь. Придется в лоб, что зря время терять.

– Я вот смотрю, ты две ходки уже имеешь, а сейчас тебе за разбой еще десять дали, и выйдешь ты отсюда в сорок четыре года, почти что пятьдесят, и кому ты будешь нужен, а?

Тимраев пожал плечами в ответ на этот риторический вопрос. Он давно уже все понял и осознал; он психологически приготовился к этому сроку, насколько это возможно, так что слова «кума» совсем не вызвали у него удивления, а только раздражение, которое он умело скрыл.

Оперативник понял его состояние и почувствовал неудовлетворение. Пока он говорит стандартные фразы, а зэк так же стандартно отвечает.

Литвирук побарабанил пальцами по столу, затем опомнился и схватил ручку. Да, у этого чеченца, кажется, сильный характер. Другой бы с ходу понял, что имеет в виду оперативник. Тимраеву надо было сказать что-то вроде «А что тут теперь поделаешь...», на что Литвирук сразу бы ответил, что небольшая помощь оперчасти весьма бы способствовала облегчению «отсидки» и, возможно, досрочному освобождению, но Муса молчал, рассматривая полированный письменный стол, который был собран в рабочей зоне и подарен Литвируку на празднование годовщины колонии.

«Ладно, попробуем по-другому».

– Ну, присаживайся, что стоишь? – якобы спохватился Никита Петрович и указал на стул перед собой.

Муса еле заметно улыбнулся и, нагнув голову, шагнул вперед, но опытный оперативник уловил это мгновенное изменение лицевых мышц. И внезапно Литвирук разозлился. Сейчас Тимраев был хозяином положения, чувствовалось, что он ничего не боится и ничему не удивляется, а такие вещи в кабинете всемогущего «кума» требуется пресекать немедленно. Время терять капитан не хотел, интуитивно понимая, что Тимраев опытный зэк и переиграть его вряд ли удастся. Никакие сложные психологические ходы здесь не помогут. Чеченец просчитает их в секунду. Ну что ж...

– Я тебе предлагаю сотрудничать со мной, – тихим и спокойным голосом начал «кум», дождавшись, когда заключенный сядет. Его голос и тон были предельно убедительны и не вызывали даже тени сомнения в том, что все случится так, как и говорит оперативник.

– Ты пойдешь в «семью» Мирзоева, это кавказцы, они тебя примут. Сейчас тот человек, который освещал мне деятельность Мирзоева, освободился, и я не знаю, что у них там творится. Это самая влиятельная группировка в зоне, и меня раздражает, что о ней нет информации. Ты мне дашь эту информацию, – он сделал ударение на слове «ты».

Во время этого монолога оперативник не отрывал взгляда от лица Тимраева, пытаясь предугадать его дальнейшие слова и поступки. Муса спокойно, не мигая, не выражая эмоций, смотрел прямо в лицо Никите Петровичу. Литвирука это слегка обеспокоило, и он сжал зубы, готовясь уже ко всему, даже к взрыву негодования и вероятным непредсказуемым поступкам заключенного. Возглас: «Да ты меня за «стукача» считаешь?» – произносился в этом кабинете часто и с самыми различными интонациями.

Тимраев продолжал молчать, внимательно изучая тонкий нос оперативника и его редкие светлые брови.

– Я тебя грамотно «подведу» к ним, главное, чтоб ты сам ничего не испортил. Если будешь со мной работать – будешь жить в шоколаде, это я тебе гарантирую. А что такое «нормально жить с «кумом» ты уже должен знать, не маленький, ну и самое главное – освободишься пораньше.

Выбросив последний и самый решающий козырь, капитан замолчал, положил скрещенные руки на стол и выжидательно уставился на ээка. Все было сказано, оставалось ждать реакции Тимраева.

– Дай сигарету, Никита Петрович, – сказал спокойно заключенный и потянулся к пачке, лежавшей на столе. Слегка оторопевший Литвирук машинально подтолкнул ее ближе к Мусе. Тот, не торопясь, размял сигарету пальцами и посмотрел на зажигалку, лежавшую под локтем капитана. Литвирук хмыкнул (вот наглец, хорошо держится) и дал чеченцу прикурить.

– Я согласен, конечно, – буднично произнес Тимраев и глубоко затянулся.

* * *

Через неделю осужденный Тимраев убил осужденного Мирзоева за то, что тот предложил ему вступить с ним в гомосексуальную связь. Так было записано в протоколе, который составил Никита Петрович, срочно прибывший на место происшествия. На самом деле произошло следующее.

Муса с Золотым Иналом (такова была кличка Мирзоева) спокойно сидели на лавочке в локальном дворике своего барака и неспешно о чем-то тихо беседовали. Сплав леса (итог всей годовой заготовки древесины) был уже закончен, план выполнен, и «хозяин» дал несколько выходных дней, чтобы осужденные постирали свою одежду, привели себя в порядок, посмотрели телевизор да и просто выпалились. Несмотря на полное лишение гражданских прав, кроме права на труд, начальник колонии учитывал еще право ээков на отдых, иначе вполне были возможны массовые беспорядки, умело спровоцированные смотрящим.

Тимраев неспешно оглянулся по сторонам. На них никто не обращал внимания. Ну, сидят себе люди, тем более земляки, говорят на своем языке, вспоминают родину, что тут такого... Основная масса заключенных столпилась возле волейбольной площадки, где играли барак на барак, и оттуда слышались крики, свист и мат болельщиков. Муса без рывков сунул руку в карман, вытащил шило и придвинулся ближе к Мирзоеву, почти что прижался к нему. Тот недоуменно покосился на земляка, но решил, что тот подвинулся ближе, чтобы лучше слышать.

– ...так вот, я и говорю, Муса, надо со смотрящим поговорить, пусть нам «грев» организует, пусть договорится с «хозяином», мои ребята всегда придут, и здесь, на месте, все нам передадут, – говорил медленно и веско Золотой Инал, помахивая в такт каждому своему слову сильной короткой ладонью.

– А ты помнишь Артура Бокова? – спокойно прямо в ухо спросил его Муса и положил руку оторопевшего Золотого Инала себе на колено. Слова застряли у Мирзоева в глотке:

– Ты... что... ты?!

– Артура Бокова, мента, которого ты убил в спину у себя дома. Три года назад? Ну, вспомнил?

С этими словами он отбросил руку Мирзоева со своей ноги, но затем неуловимым движением вернул ее обратно, положив чуть ли себе не в пах. Мирзоев был шокирован.

Две вещи заставили его на секунду замереть. Две невозможные вещи. Во-первых, явно сексуальные ужимки Тимраева. Тот вел себя, как изголодавшийся по мужской ласке молодой «петушок». Но он таковым не являлся, и Золотой Инал готов был даже спорить об этом на свою задницу с кем угодно – от Мусы за версту «несло» мужчиной, как сильным запахом от зверя. Его мужская натура чувствовалась сразу и издали, поэтому такие вот гомосексуальные

ухватки явно были ему чужды и нелепы, как если бы он прямо сейчас, никого не стесняясь, вдруг вытащил из кармана и нацепил на себя поверх черной робы женское платье.

Золотой Инал явно растерялся. Он просто не мог понять, зачем это понадобилось Мусе. И во-вторых, сейчас его земляк назвал имя и напомнил событие, связанное с ним. Об этих фактах Золотой Инал всегда умалчивал, если это было возможно. И на следствии, и среди своих.

Упоминание имени сразу вернуло криминальному авторитету его всегдашнюю хватку и решительность. За всем этим крылась какая-то опасность. Какая, чеченец еще не знал, но уже готов был встретить ее во всеоружии. Он сбросил с себя оцепенение и собрался. Многолетняя привычка опытного криминального авторитета отрицать все, что тебе не выгодно, проявила себя и в этой экстремальной ситуации.

– Аллах с тобой, Муса!! О чем ты говоришь?! Кто это такой?.. Я первый раз слышу!

Недоумение Золотого Инала было превосходно разыграно. Этот взгляд, поднятые брови, поворот головы, голос – даже сам Станиславский поверил бы ему.

Ведь сейчас Золотой Инал спасал свою жизнь. Уже потом он разберется с этим идиотом, время еще будет, но вот сейчас надо попытаться избежать прямой и реальной опасности и усыпить бдительность Мусы. А то, что Тимраев явно угрожает ему, было очевидно. Даже и не имея особо могучего интеллекта, можно было догадаться, какие действия последуют за этим вопросом. Вряд ли Тимраев захлопает от удовольствия в ладоши, если сейчас Инал подтвердит, что это именно он убил Артура Бокова. Почему такой бывалый зэк, как Муса (его быстро «пробили» в зоне, и да, он оказался известен как «правильный бродяга»), интересуется каким-то сотрудником милиции, авторитет не знал и в этот момент не хотел знать. Сейчас от Тимраева исходила явственная угроза, такая заметная и ощутимая, что Золотой Инал испугался. Ведь он не был вооружен, а вот Муса наверняка приготовился к разговору.

Глаза выдали Мирзоева. По ним Тимраев понял, что Золотой Инал отлично знает, о чем идет речь.

– Ты... Муса, да что с тобой?! Я вижу, что ты... – кашлянул авторитет и сплюнул в сторону. Он набрал воздуха в грудь и уже приготовился сказать несколько ничего не значащих фраз, чтобы выиграть время.

– Кто тебе...

– Вижу, вспомнил... – спокойно перебил Тимраев, развернулся своим крупным телом и еще раз огляделся по сторонам.

Какой-то зэчок выходил из дверей барака. Слышать, о чем они говорили, случайный свидетель не мог, а вот слишком близко сидящие, почти что в обнимку двое мужчин наверняка привлекли его внимание. Ну что ж, подтвердит потом...

Муса зажал ладонь Мирзоева между колен покрепче, чтоб тот не выдернул ее, и продолжил тихо говорить в ухо соседа:

– А ведь он прав тогда был на все сто процентов, прав, и ты знал об этом – чеченцы людей из-за угла не убивают, тем более безоружных. На русских мне наплевать, но вот тебе нельзя было так опускаться. Нехорошо ты поступил, не по-мужски... Впрочем, какой из тебя мужчина.

Мирзоев был настолько ошарашен, что и не пытался выдернуть свою руку. Но жизнь в заключении быстро учит привыкать ко всяким неожиданностям и немедленно реагировать на них. Золотой Инал уже начал приходить в себя, и его глаза стали решительными и осмысленными. Через секунду последуют его действия, направленные на спасение собственной жизни. Надо было поторапливаться.

– Ты о че... – договорить Золотой Инал не успел.

Тимраев отставил правую ногу в сторону для устойчивости и развернул корпус в сторону. Замах при ударе холодным оружием должен быть очень мощным и усилен весом всего тела, иначе вооруженную руку можно будет заблокировать и отвести в сторону.

Острейшее шило пробило черную полинявшую робу, черную стираную майку (особый шик на зоне – черная запрещенная гражданская одежда, знай авторитета!) и вошло в сердце. Мирзоев умер мгновенно, его тело лишь несколько раз дернулось в конвульсии (Тимраев плотно прижался к нему, ограничивая движения) и, вытянувшись во весь рост, свалилось на лавку.

Убийца недалеко отбросил шило (все равно найдут), снова сунул руку в карман, извлек небольшой металлический предмет размером с небольшую пуговицу и уронил ее на грудь Мирзоева, пробормотав при этом:

– Велели передать...

Затем он встал, отошел от убитого, оглянулся по сторонам, зачем-то вытер руки об штаны и стал ждать.

* * *

Через две недели после описываемых событий «кума» вызвал к себе «хозяин». Никита Петрович не особо был обеспокоен этим вызовом. Отношения двух офицеров были вполне дружескими. Они давно и успешно служили вместе, договариваясь и приходя к соглашению в решении некоторых щекотливых вопросов.

Например, для начальника колонии на первом месте был план. Выполнит ИТК успешно план по лесозаготовкам – значит, это учреждение будет на хорошем счету в области, значит, будет считаться, что там уверенно и благополучно перевоспитывают людей, которые когда-то оступились и теперь с помощью исправительного труда успешно идут к своему освобождению. Не выполнит – значит, плохой ты начальник колонии, раз не можешь посредством данной тебе власти заставить подчиненный тебе контингент, или практически дармовую рабочую силу, использовать на благо государства.

А то, что для выполнения плана придется по просьбе начальника колонии выпустить из изолятора смотрящего, которого засадил туда «кум» на месяц, об этом никто и не узнает.

Капитан Литвирук был неплохой мужик, надо «хозяину» так надо, смотрящий понаслаждается свободой (свободой общения с людьми, с теми же зэками) и подстегнет их к работе, надеясь на какие-либо послабления со стороны администрации, а потом снова пойдет в ШИЗО, в «одиночку», на черный хлеб с солью и кипяточек. И для стабилизации оперативной обстановки в колонии полезно (пусть посидит с месяц, а то возомнил из себя незаменимого!), и план выполнен в срок.

Несмотря на свой почтенный возраст, Литвирук оставался капитаном, так как капитанское звание присваивалось ему дважды. Пять лет назад на допросе он забил несговорчивого зэка ногами, искалечил его, и через несколько дней человек умер. «Хозяин» тогда помог; дело замяли, да и человеком-то того умершего назвать было сложно. Пять судимостей, вся жизнь за решеткой и постоянные конфликты с администрацией. Но факт оставался фактом, в подробности Москва не особо вникала, и после служебной проверки Литвирук опять продолжил службу, но уже в звании лейтенанта. Так и жили капитан и полковник, стараясь увязывать служебные дела и свои личные амбиции (два первых лица зоны) в одно целое. «Кум» помнил об этом факте в своей биографии, навсегда зарекся давать волю своим чувствам и знал, кто тогда его выручил.

– Проходи, Петрович! – добродушно встретил оперативника «хозяин», встал, пожал тому руку и прошел в угол кабинета, где была расположена мягкая мебель.

Если начальник ИТК звал расположиться для беседы на потертом диванчике, значит, разговор предстоял неофициальный, скорей всего, он будет просить, но эти просьбы равносильны самому жесткому приказу, тем более если просит сам полковник. Если эту просьбу не выполнить, даже приведя самые объективные факты и обстоятельства, то «хозяин» может попросту обидеться, как и любой другой человек. Он же не приказывал, а просил! А на его слова не обратили должного внимания. Это всегда неприятно, когда игнорируют твои пожелания, тем более «хозяин» обладал хорошей памятью, а сочетание практически неограниченной власти в этом глухом таежном местечке и хорошей памяти заставляло относиться к скромным просьбам полковника предельно внимательно.

Литвирук незаметно вздохнул, провожая глазами тяжелый затылок «хозяина», затем неискренне улыбнулся, снял фуражку, сел и приготовился слушать.

– Проверка приезжает! – с ходу бухнул начальник ИТК, как только тяжело уселся в кресло.

– Какая проверка?! – искренне удивился «кум». – Была же недавно! Вот, весной! И нормально все у нас вроде. Вам же звонили из области! – И он вопросительно уставился на полковника.

– Да была-то была... – пробормотал тот, поморщился и помотал головой. – Я не пойму одного, Петрович... (Литвирук изобразил предельное внимание, мысленно пролетая со скоростью света по фактам тех мелких (да и не очень) нарушений, которые удалось скрыть от проверяющих). Едет-то к нам один человек. Заместитель прокурора области, и еще кто-то с ним, какой-то прикомандированный, что ли. Я так и не понял... А ведь таких проверок не бывает. Сам знаешь, понаедет целая толпа, меня проверяют, тебя, бухгалтерию, режим, медпункт, по зоне шатаются, экам глупые вопросы задают...

Капитан призадумался. Действительно, на его памяти такого еще не было. Не будут же всего два человека серьезно изучать и оценивать успехи и неудачи учреждения, в котором содержится около тысячи человек и еще примерно столько же в двух колониях-поселениях, расположенных рядом. У проверяющих просто не хватит на это времени. Правда, недавно у них произошло ЧП... Один зэк убил другого. Ну и что? Из-за этого проверки не приезжают, тем более что все уже давно установлено и расследовано. Неужели из-за этого? Нет, вряд ли – в местах, где очень скученно живут люди, когда-то нарушившие закон, такие случаи нередки, и обычно на них смотрят сквозь пальцы.

– В общем, так, Петрович! – При этих словах капитан вскинул голову и напрягся. Сейчас последует главное. – Проверка-то проверкой, но уху еще никто не отменял! – Здесь «хозяин» улыбнулся и подмигнул оперативнику. Младший по званию незаметно вздохнул, выругался и расслабился.

В том, что полковник вызвал к себе капитана и пожелал организовать хорошую рыбалку, ничего удивительного не было. Литвирук развелся четыре года назад: его супруга просто не выдержала деревенского быта маленького таежного поселка и уехала к родителям, напоследок от души, искренне, сказав мужу: «Надоест тебе здесь комаров кормить, приезжай, только особо не задерживайся».

А капитан как-то задержался. Он и не искал этому причину. Что он помнил хорошо – так это вздох облегчения, вырвавшийся из его груди, когда он провожал жену на поезд. Особой охоты немедленно ехать вслед за ней он не почувствовал и решил немного задержаться, раз так вышло. А потом еще... и еще. Правда, одно время он начал пить, затем опомнился, бросил это регулярное занятие и всерьез увлекся рыбалкой и охотой. Жена почему-то его не беспокоила, капитан несколько раз задумался об этом, не обнаружил в своей душе никаких волнений по этому поводу и махнул на все рукой, от души надеясь, что все устроится как-то само собой.

То, что тайга здесь была дикая и нехоженная, – значит ничего не сказать. Тайга здесь была первозданная. И это капитану очень нравилось. Со временем он стал лучшим знатоком окрестных мест. По этому вопросу к нему обращались все в поселке, и «хозяин» был не исключением.

– Думаете? – задал вопрос только для порядка Литвирук, а сам подумал: «Какая ерунда. Ну это организуем, проблем нет. Интересно, все у него или нет?»

– Почти что уверен! – ответил полковник уже серьезно. – Шепнули мне по секрету, что не за нашими головами к нам едут, это точно. А это самое главное! А с остальным разберемся на месте. Действуй, в общем, через три дня чтоб все было готово!

– Нарисуем, хрен сотрешь! – на блатной манер ответил капитан и улыбнулся. Начальник находился в хорошем настроении, поэтому к месту приведенная фраза на фоне должна была понравиться руководству. Она и понравилась.

– Ну-ну, – усмехнулся «хозяин» довольно, – только нарисовать надо получше.

* * *

На небольшой песчаной отмели дымил костер, ветерок слегка рябил мутноватую зеленую поверхность безымянной таежной речки, а на берегу сидели четыре человека в старом заношенном офицерском обмундировании без знаков различия. Официальный деловой костюм совершенно не нужен в лесу, поэтому в темпе найденные вещи из гардероба полковника и капитана вполне подошли гостям и не стесняли движений. Еще два человека в черных робах суетились по хозяйству. Рыба была уже поймана, быстро разделана и сварена. На самый крайний случай (а случаи всякие бывают) капитан еще два дня назад распорядился наловить хариусов и спрятать их в садке неподалеку. А вдруг не заладится рыбалка у гостей? Но все получилось как нельзя лучше: и погода была солнечной, и хариус кидался на блесну как очумелый, и расторопный Семенов (старый азовский рыбак, тянувший свой третий срок за браконьерство и получивший за это пометку «рецидивист» в личном деле) приготовил отличную уху. Теперь он взялся готовить шашлык, а довольные и полупьяные гости с хозяевами расположились как раз с подветренной стороны костра, чтобы дым отгонял комаров.

О цели визита не было сказано пока еще ни слова; ну нельзя же было считать серьезным объяснением ту фразу, которую обронил заместитель прокурора при встрече:

– Василий Андреевич, а мы к вам отдохнуть! Рыбалка, говорят, у вас отменная, а вот мой товарищ рыбку половить любит!

На что полковник, не моргнув глазом, бодро ответил:

– Николай Федорович, мы вам всегда рады! И товарищам вашим тоже! Все организуем, что в наших силах!

Товарищ, темноволосый кавказец с резкими чертами лица, добродушно улыбнулся и сердечно пожал руку полковнику и капитану. Как понял полковник, в сказанном была только одна правда – в том, что рыбалка здесь действительно великолепная. Но он не задавал вопросов, рассказывал анекдоты, смешные и неожиданные случаи из жизни осужденных (в колонии, где предельно компактно содержится более тысячи человек, таких случаев предостаточно), смеялся, распоряжался за столом, шутил и терпеливо ждал, когда же гости скажут наконец, зачем пожаловали.

– Кого тут только нет... Ну вот, например, сижу я в кабинете, лето, окна открыты, как обычно, у меня дела, текучка всякая, вдруг – крик! Да такой жуткий! Орут, понятное дело, в зоне. Никита, – полковник кивнул на Литвирука, – бегом туда! А без оружия, сами знаете! (На территории колонии ношение оружия строжайше запрещено.) Я жду, только никто не кричит больше. Тишина вроде, на массовые беспорядки не похоже. Ну, думаю, Никита выяснит, в чем дело. Смотрю, ведет кого-то... и ко мне в кабинет. Хрен какой-то, я и фамилии его не запомнил... А дело было в следующем. Гулял этот зэк в прогулочном двореке, тут ему кто-то

из-за соседнего забора говорит: «У тебя чай есть, братуха?» – «Есть, – отвечает этот урюк, – бросай деньги, я тебе сейчас пачку переброшу». Тот дурак, как правильный, зажимает деньги в руке, становится на спину своему товарищу и перекидывает свою кисть через забор. Этот урюк берет его за руку и тянет вниз, чтобы любитель чая не смог освободиться. Затем вытаскивает нож и начинает отрезать тому палец!

После секундной паузы заместитель прокурора оглянулся на своего товарища. Кавказец пожал плечами и потянулся за сигаретой.

– А зачем? – недоуменно спросил Николай Федорович.

– Так и я тоже его спросил, а зачем?! И знаете, что он мне сказал?! – и не дождавшись очевидного ответа, полковник, предугадывая взрыв смеха, который, по его мнению, должен был последовать, проговорил с еле сдерживаемой улыбкой: – А мне скучно было, гражданин начальник! Вы представляете? Скучно ему! Вот он так и развлекался! А сам смеется, причем от души!

Литвирук засмеялся так, как будто слышал эту историю впервые.

Заместитель областного прокурора покачал головой. Он изо всех сил напряг свое хорошо развитое (у ответственных чиновников всегда отличное чувство юмора, положение обязывает, попробуй не пойми юмор своего шефа, сразу создается мнение, что ты профессионально не пригоден) воображение, но ничего смешного в этой ситуации не обнаружил.

Он не знал специфики психологии заключенных так же досконально, как хозяйева, поэтому недоуменно покачал головой и нахмурился.

Поняв, что веселья этот случай у гостей не вызвал («Идиот! Не мог что-нибудь поумнее придумать! Полез со своими шуточками, забыл, что это не зоновские офицеры!.. Осторожнее, Вася!» – спохватился «хозяин»), полковник поспешил сменить тему:

– Наливай, Никита, что сидишь! Семенов! Что там с шашлыком?!

В общем, хорошего настроения этот рассказ не испортил; Семенов принес горячее блюдо, капитан быстро налил, и собеседники выпили за прекрасную природу и взаимопонимание. После того как принесли приготовленную горячую рыбу, обжаренную до корочки и с ароматом дымка (Семенов так отлично пожарил хариуса на тоненьких ивовых веточках, что уже сытые люди вновь стали есть горячий деликатес. Недаром говорят, что самое вкусное блюдо на рыбалке – это сразу приготовленная только что пойманная рыба), собеседники ненадолго погрузились в сосредоточенное молчание, которое говорило о мастерстве повара гораздо больше, чем самые громкие слова.

– А вот мы с Мурадином давно дружим! Правда, Мурад? – произнес Николай Федорович. Он сытно срыгнул, распрямился и расставил перед собой ладони, испачканные жиром. Семенов быстро вложил в его правую руку несколько белых мягких салфеток.

При этих словах давний товарищ заместителя прокурора энергично кивнул несколько раз, потому что рот в этот момент оказался занят.

– Мы с ним познакомились в Москве, на курсах повышения квалификации («Тоже, значит, из прокурорских... ну-ну...») – И капитан с полковником незаметно переглянулись). Он в Ставрополе работает, сейчас в командировке в нашей области, ну и позвонил мне, вот и увиделись.

Черноволоксий Мурад снова кивнул, затем вытер руки об салфетку, заботливо поданную Семеновым, вытащил сигарету и с наслаждением закурил. Вообще, за столом он говорил мало, пил умеренно, к месту смеялся, вопросов не задавал и, казалось, вовсе наслаждался рекой, тайгой, солнцем и вкусной закуской.

– Вот у вас недавно случай произошел, – проговорил он негромко в наступившей тишине, глядя на воду и слегка шурясь от бликов солнечного света. Рука капитана чуть дрогнула, он пролил немного водки на расстеленную на траве плащ-палатку.

«Вот оно!» – одновременно подумали хозяева, подняли головы и насторожились. Только высокий гость из области, казалось, был совершенно поглощен созерцанием дымящегося мяса и выбором кусочка получше. Но полковник кожей ощутил, что тот специально предоставил слово своему товарищу и очень внимательно слушает весь разговор, совершенно не показывая этого внешне.

– Произошел... – согласился напряженным голосом Василий Андреевич и глянул на заместителя прокурора. Тот с невозмутимым видом макнул ломтик лука в соль и отправил его в рот. «Вот оно что! Значит, он в курсе, а привез этого чучмека специально для этого разговора сюда... Ну что ж, слушаем».

– Расследование закончено, причины и мотивы этого преступления ясны, – продолжил неторопливо «чучмек». – Как вы, кстати, намерены поступить в этом случае с этим... как его... да неважно, ладно... Тираевым?

Кавказец не имел права лезть не в свое дело, он находился не в Ставропольском крае. И он это прекрасно понимал, да и хозяева тоже. Но раз его не перебивает сам заместитель областного прокурора, то и другим бы не следовало. И это тоже все понимали.

– Тираевым, – поправил его машинально Литвирук и взглянул на «хозяина». Тот еле заметно пожал плечами. Тогда, в свою очередь, и «кум» повторил этот жест.

– Не знаю еще пока. Наверно, как обычно. Будет суд, срок добавят, и все. А что?

– Нет, нет, вы все сделали правильно, так и должно быть... – Здесь Мурад сделал паузу, успокаивающе махнул рукой и впервые взглянул в глаза оперативника. Литвирук ощутил давление его воли, хотя внешне это никак не выражалось. – Только можно и справедливо подойти к этому вопросу, как вы думаете?

– Справедливость всегда должна быть, – нейтрально произнес полковник, уже сообразивший, в какую сторону клонится разговор. Понял это и Литвирук.

– Что уж там греха таить, наша система ломает и калечит людей, не вам мне это объяснять. Если человек случайно оступился или вынужден был превысить самооборону, то мы его иногда рассматриваем как уже законченного бандита и относимся к нему соответственно, – продолжал гость зампрокурора.

В ответ начальник колонии сокрушенно развел руками, всем своим видом показывая, что да, мол, имеется такой грешок, бывает, да только не он один в этом виноват, ведь не он же создавал эту систему тюрем, лагерей и Уголовный кодекс.

На самом деле полковник был взбешен. Кто тут ему рассказывает о покалеченных судьбах и сломанных жизнях? Вот эта прокурорская крыса, которая пачками отправляет людей в тюрьму, практически не вдумываясь в материалы некоторых сомнительных дел?!

Уж «хозяин» за двадцать три года успел насмотреться на таких осужденных, которым не повезло, действительно не повезло, причем серьезно, с прокурором...

Полковник тяжело вздохнул, глянул на капитана, и тот быстро налил ему.

– Ведь Тираев за что убил Мирзоева? Тот сделал ему смертельно оскорбительное предложение, правильно? А на Кавказе такое смывается только кровью, и этот закон не я придумал, не этот Тираев. Ему просто некуда было деваться, он так воспитан.

Полковник задумчиво кивнул. О том, что в зоне имеются «петушки» и что Мирзоев мог спокойно воспользоваться услугами любого из них, об этом гость не подумал. Ну, или не захотел думать...

– Я просто прошу вас внимательнее разобраться с этим делом, вот и все. Тираев должен понести наказание, разумеется, ведь о неотвратимости наказания говорил еще товарищ Ленин, но оно должно быть справедливым, я так думаю... – закончил Мурад и потянулся к малосольным грибочкам, которые так замечательно готовила супруга полковника.

– Правильно! – И молчавший до этого зампрокурора, внимательно, не подавая виду, слушавший своего товарища, выставил вверх испачканный в жире указательный палец. – Правильно говоришь, э! – неумело спародировал он кавказский акцент.

Принимающая сторона весело рассмеялась. Дружеская атмосфера после этой короткой просьбы гостя из Ставрополя нисколько не нарушилась, потому что ее исполнение было плевым делом. Капитан пересмотрит дело об убийстве и переквалифицирует его как самооборону. Свидетелей он найдет. Прокурор возражать не будет. Так что никаких проблем с этим не должно возникнуть.

Только одно обстоятельство несколько омрачало атмосферу доверия и согласия, царившую на уютной песчаной отмели, но эту мелочь ощущал только Литвирук. Все-таки он был неплохим оперативником, и его не покидало ощущение, что его в некотором роде выставляют дурачком, не давая досконально разобраться с этим делом. Неясностей там было много.

Например, пуля. Обыкновенная, деформированная после выстрела пуля от «макарова». Зачем Муса оставил ее рядом с трупом? Как знак, который должен что-то символизировать? Непонятно. Или это месть? Тогда за что? Капитан еще раз внимательно перечитал личное дело авторитета, но никакого убийства (доказанного) тот не совершал.

И этот идиотский мотив, мол, мне Мирзоев предложил секс. Да в Тимраеве за версту мужик чувствует, какие там сексуальные приставания? Несерьезно это все. Да и «петушок» личный был у Золотого Инала, как его, Грановский, двадцати двух лет от роду, очень чистенький и женственный (здесь капитан сплюнул в сторону, но на это никто не обратил внимания)... и не боится «кума» этот Муса, знал он, что за него заступятся, не дадут на полную катушку... Знал!!! Вот в чем дело!

Но выпив еще несколько рюмок, Никита Петрович вдруг решил, что не все так уж плохо. Тимраев «убрал» («А это «заказуха», сто процентов», – мрачно решил «кум») одну из самых одиозных криминальных фигур в зоне, и это существенно облегчит дальнейшую работу оперативной части. А размышлять, почему за этого чеченца просят такие солидные люди и что их связывает, – это, пожалуй, его не касается. Что от него надо – так это пару дней хорошей работы. И все дела...

– Литвирук, ты еще в капитанах ходишь? – вдруг вспомнил Николай Федорович.

– Да, вот как-то так, – смущенно развел руками Никита Петрович и скромно опустил глаза. Сердце его стукнуло, сильнее проталкивая по сосудам смешанный с кровью алкоголь.

«Тем более тогда мне до этого никакого дела нет, – тут же твердо решил он. – Если еще и с майором сейчас решится... Неужели такие хорошие связи у Тимраева? Откуда у обыкновенного зэка такие знакомства? Не может такого быть. Я знаю, что не может... Но мне уже неважно... С ума сойти... Придется его в кочегарку на зиму ставить. Бритого Лося выкину оттуда на хрен, пусть лес валит, а на то, что он дружок смотрящего, мне, конечно, наплевать. Звание важнее».

– Пора, пора тебе уже давно в майоры!.. Ты позвони мне, – обратился он к Василию Андреевичу, с трудом проговаривая слова с набитым ртом, – позвони и напхни, а то я заматаюсь, забуду. Почему не помочь хорошему человеку, э? – снова проговорил он с кавказским акцентом, и все опять улыбнулись.

– А что, водка закончилась уже? – искренне удивился Мурад. – Я хотел поднять тост за наших замечательных хозяев, которые так искренне и радушно принимают гостей! Неужели не выпьем?

* * *

В коридоре слышались громкие голоса и раскатистый, уверенный смех. А ведь у Михалыча дверь, скорей всего, не закрыта. Но тому, кто так громко смеялся, на это было наплевать.

Я понимаю, конечно, что хорошее настроение способствует успешной работе сотрудников, но у нас, в конце концов, не цирк, чтобы так от души ржать под носом у начальства...

В мой тесный кабинетик ввалились трое мужчин. Пришлось отложить ручку и поздороваться. Двое были вполне приличные парни, а вот третий... Я торопливо слегка коснулся влажной ладони Иваницкого (почему лично мне неприятные люди всегда ележимают руку так, словно прикасаются к коже лягушки?) и снова уселся за стол. Парни внезапно замолчали, а Иваницкий встал перед моим столом, небрежно держа в правой руке замшевую папку с золотистой надписью в центре: «К докладу».

– Тебя сегодня на планерке вспоминали, Крохалев! – радостно и громко объявил он.

Я поморщился, но не поднял головы. Я не люблю Иваницкого. Тот еще типок... Ему нет еще и тридцати пяти, а уже намечается приличный животик и лысинка в черных курчавых волосах. Да и черт бы с его лысинкой и животиком, но меня раздражает его неприкрытая бесцеремонность обращения со всеми нами. Его определили в мою группу, открыто он мне не хамит, но чувствуется, что, представься ему случай, он вообще не будет обращать на меня никакого внимания, хотя бы потому, что я езжу на обыкновенной «шестерке». Я смутно подозреваю, что виной этому его личное благосостояние. У Иваницкого приличный дорогой «мерс», и обедает он в дорогом кафе. Причем каждый день. Несколько раз при мне ему звонила наша Лена из бухгалтерии и просила прийти за зарплатой. А он небрежно говорил в трубку, что девочки могут оставить ее себе и использовать на... Он хорошо разбирается в женских шмотках и прочих вещах... Хоть бы раз Ленка так сделала, что ли!

И эта папка еще – с такой дорогой и роскошной деловой вещью ходят только замы управления на доклад к генералу, да и то не все. А Иваницкий докладывает только своему начальнику отдела, выше ему хода нет. Но его неприкрытые понты почему-то ни у кого не вызывают улыбки. Попробовал бы я зайти к Михалычу с такой папкой и золотой паркерской ручкой, и наверняка Михалыч немедленно отобрал бы эту папку, мотивируя это тем, что такая вещь ему нужнее... А вот на Иваницкого он просто не обращает внимания. Ну, ему-то можно, он начальник отдела, а я обыкновенный старший опер, и у меня в подчинении четыре человека, с которыми надо ежедневно общаться. В том числе и с этим «понтколотом». Я все время еле сдерживался и разговаривал с ним только в случае крайней необходимости. Иваницкий это чувствовал и платил мне тем же.

Я поднял голову и равнодушно мазнул по его дорогой рубашке взглядом. В глаза ему смотреть не хотел, так как Иваницкий увидел бы в моем взгляде неприкрытую злобу, а злиться на человека, который тратит в день около пяти тысяч рублей на всякие мелочи, в общем-то, неприлично. Ведь он тратит не твои деньги.

Иваницкий явно ждал, что я переполошусь, брошу свою писанину и начну судорожно выяснять, кто и по какому поводу вспомнил меня у руководства. Но такого удовольствия я ему не доставил. Я неторопливо закончил предложение, поставил точку и собирался писать дальше. Иваницкий это понял и не выдержал. Он бросил свою папку на стол и с удовольствием произнес:

– Ты в Чечню едешь, Крохалев!

Вот этого я не ожидал. Честно. Я медленно отложил ручку в сторону и посмотрел на него. Оперуполномоченный, вся заработная плата которого составляла восемнадцать тысяч рублей в месяц, улыбался мне в лицо. А ведь ехать должен был он.

Когда началась эта малопонятная война, целью которой было наведение конституционного порядка в мятежной республике, у нас в отделе начались командировки в Чечню. Местная милиция не справлялась с невероятно сложной обстановкой на местах, а иногда просто разбегалась, весьма справедливо применив к месту и ко времени старую избитую истину – жизнь дороже. Если разваливается основной фундамент – государство, на который ставится любая силовая структура, то надеяться на эффективную работу подобных ведомств может только

слабоумный. Советская власть в республике благополучно рухнула, и эффективной замены ей пока еще не нашли. Но Чечня все еще входила в состав России, и поэтому высшее руководство МВД начало направлять в Чечню сотрудников милиции самых различных служб, чтобы укрепить кадры на местах. Грозный уже зимой 1994 года был взят войсками, и в районах республики стали спешно возрождать российскую власть, в том числе и исполнительную.

Такие мелочи, что там развернулась настоящая партизанская война против армии, в расчет не принимались. У войск свои задачи, сказано было нам, у милиции – свои. Надо работать, выполнять свои обязанности, а кто не желает, тот может хоть завтра пополнить ряды работников народного хозяйства. Так как безработных в девяностые годы было гораздо больше, чем людей, хотя бы имеющих уверенность в завтрашнем дне, рапорт об увольнении писать никто не спешил.

Покорившись неизбежному, мы с ребятами собрались в маленьком кафе на набережной, распили несколько бутылок водки и стали искать оптимальный вариант. Кому и когда ехать в Чечню. Как всегда, решение оказалось простым. Мы бросили жребий, кто-то матюгнулся, кто-то облегченно вздохнул, и очередность командировок была определена. Сразу стало легче, недаром говорят, что нет ничего хуже, чем неизвестность, и теперь можно было спокойно планировать свои дела. Отпуск, учебу, кому-то свадьбу и так далее. «Отмазки» в расчет не принимались: не на пару дней едешь, в конце концов! Так все благополучно и шло, и я собирался, в свою очередь, позагорать под знойным солнцем Кавказа примерно осенью. И спокойно готовился к этому. Но услышать такое известие в начале лета...

То, что Иваницкий не шутил, я понял сразу. Слишком он уверенно и громко это объявил. Я интуитивно почувствовал, что при всей его бесцеремонности и наглости шутить такими вещами он бы не посмел. Это означало только одно: моя фамилия уже была внесена в командировочное удостоверение. Оставалась необязательная мелочь. Выяснить, почему еду я.

Иваницкий не сводил с меня своих черных, чуть навывкате глаз. Он улыбался. Мне вдруг до дрожи захотелось ударить его. Я даже примерился к его жирноватому подбородку. Вот сейчас, слева... И что, меня выгонят за это из органов? А в Чечню кто поедет? Иваницкий? Он не поедет, и я догадывался об этом с самого начала, если честно. Ну, значит, тогда можно...

Приняв это решение, я встал и начал обходить стол, глядя с удовольствием на его толстую физиономию. Нет, я его не пожалею...

Внезапно какая-то большая тень загородила мне дорогу. Это Толик из моей группы встал прямо передо мной и положил мне руки на плечи. Я уперся в его глаза взглядом. Я был настолько взбешен, что готов был ударить и его, лишь бы он не мешал мне добраться до этого хряка. И он, мастер спорта по дзюдо, сразу почувствовал мое состояние. Толик слегка крутанул меня на месте, и я ощутил своей пятой точкой жесткую поверхность письменного стола.

– Выдохни, Юрьевич! – быстро сказал он мне и оглянулся. Вадик, парнишка из отдела связи, тоже сделал ко мне шаг. Я вытянул шею и нашел взглядом Иваницкого. Тот еще больше выкатил свои нагловатые глаза и молчал, но его улыбочка сильно поблекла. Он только сейчас понял, что его ожидало. Этой секундной заминки хватило, чтобы мой «псих» прошел. То, что Иваницкий не простит мне ни за что подобную выходку, я уже понял. Рапорт, служебное расследование, суд офицерской чести... А там и увольнение. Ну и черт с ним! Пусть живет.

– Сергей Юрьевич, вас вызывает к себе начальник отдела! – официально произнес Толик, не убирая с моих плеч свои руки. По моим глазам он пытался понять, успокоился ли я и можно ли меня отпустить.

– Убери руки, Толик, все нормально. Михалыч у себя? – спросил я для проформы, глядя на свой исписанный листок. «Да кому он сейчас будет нужен...»

– У себя, ждет вас. Просил сразу зайти.

У дверей я задержался и с досадой посмотрел на Иваницкого. Жаль... Мой подчиненный отвернулся и начал что-то искать в ящиках письменного стола. Затем я глянул на Толика, а он в ответ усмехнулся и подмигнул мне.

* * *

– Капитан милиции Крохалев по вашему прика...

Михалыч с изумлением глянул на меня и махнул рукой, прерывая мой доклад о прибытии. Обычно к нему заходили сразу, коротко стукнув в дверь два раза и произнося обычную фразу: «Вызывали, Андрей Михалыч?»

Начальник отдела явно не стремился быть похожим на императора Павла, который обожал внешние проявления устава. Михалыч прежде всего требовал выполнения работы и отличное знание предмета, а приходить в отдел ты можешь хоть в шортах, лишь бы только выдавал приличную раскрываемость.

Но я был зол и считал, что несправедливо обижен начальством, поэтому и решил держаться сугубо официально.

– Садись, Крохалев, садись... – Начальник вяло махнул рукой в направлении стола для совещаний. Я сел на «свой» стул, который всегда занимал во время планерок, сжал челюсти и уставился в стену. Михалыч внимательно глянул на меня, затем тяжело поднялся и отошел к окну. Некоторое время мы молчали. Я – потому что младший по званию первым не начинает разговор с руководством, не положено ему говорить без разрешения, а начальник отдела явно никуда не торопился – разглядывал уже разросшуюся зелень за окном. Так прошло несколько минут.

– Как тебе Зубов? – неожиданно спросил начальник отдела, стоя у раскрытой форточки. Я несколько растерялся.

– Толик, что ли? – переспросил я. Михалыч продолжал изучать пейзаж, не поворачиваясь ко мне. – Да нормально Тол... простите, Зубов! Парень вроде неплохой...

– Только сытее и глухой! – добавил пожилой полковник и громко хмыкнул.

– Виноват, товарищ полковник! Старший лейтенант Зубов справляется со своими служебными обязанностями, не имеет взысканий по службе, постоянно совершенствуется и повышает свой профессиональный уровень и...

– Да погоди ты! – сердито сказал начальник отдела и повернулся ко мне. – Не тарыхти, мы не на аттестационной комиссии!

Я замолчал, лихорадочно прикидывая, какую неприятность полковник приготовил Толику.

– Я его планирую на твое место! – Михалыч сел не в свое кресло, а на стул напротив меня и вытащил сигарету из пачки, не сводя глаз с моей персоны.

«Что-то сегодня много сюрпризов», – мелькнуло у меня в голове. Мне полагалось удивиться, и я молча удивился, повернул голову к непосредственному начальнику.

– А ты пойдешь ко мне замом, – продолжил начальник отдела, прикуривая.

Я пожал плечами, воспользовавшись тем, что полковник этого не видел. Он сосредоточенно разглядывал огонек своей сигареты.

У нас расширили штаты и вводили в отделе новую должность, и народ по кабинетам втихомолку обсуждал предполагаемых кандидатов. В том числе называли и меня. Но если откровенно, то я не очень-то и радовался. Быть замом у начальника розыска, да еще у такого, как Михалыч, – это хлебушек нелегкий; все будет на мне, даже выбивание у канцелярии обыкновенной писчей бумаги.

Вообще-то я рассчитывал в академию. Я достаточно долго проработал в розыске, чтобы понимать, что должность заместителя начальника отдела, кроме повышения зарплаты, при-

бавляет еще кучу головных болей. Утонешь в работе... Но все-таки это было повышение и ложка меда на гигантскую бочку дегтя. Так руководство радовало меня перед командировкой. Авансом, так сказать.

– Так как тебе Толик? Парень-то он неплохой, здесь ты прав, только для старшего опера этого мало. Будут его ребята слушать, сумеет он на своем настоять, не будет меня бояться? Как ты думаешь?

Я собрался было опять пожать плечами, но вовремя спохватился.

– Думаю, что все будет в порядке, – ответил я тихо и серьезно. – Зубов справится, работу он знает, а на первых порах я ему помогу.

– Ну вот и ладушки, вот и решили, – кивнул Михалыч. – Ну, а теперь то, что касается тебя... Конечно, я знаю, что должен ехать Иваницкий. Только он не поедет! – Михалыч повысил голос, и я послушно кивнул. Обсуждать приказание начальника я смог бы только на кухне, да и то только после его выполнения.

Подумав секунду, Михалыч громко и раздраженно добавил:

– Потому что Иваницкий дурак! – все-таки счел нужным пояснить начальник отдела. – Вместо того чтобы там работу налаживать, он ее завалит!

Я очень хотел спросить, зачем же он рядом с собой дураков держит, но снова мужественно промолчал.

– Послушай, Сережа... – Так полковник меня еще никогда не называл. Я насторожился, а он со вздохом откинулся на стуле, держа дымящуюся сигарету. – Ты едешь не в Шелковской район, как раньше, а в Шалинский... Там только недавно войска зачистку сделали, и там необходимо налаживать работу милиции... И не на сорок пять дней, как раньше, а на три месяца. Ты будешь в составе СОГа – следственно-оперативной группы. Задачи те же самые, что и везде, обычная служба. Только я попрошу тебя об одном: отнесись к своей работе серьезно. Если ты найдешь хотя бы несколько машин, угнанных на Северный Кавказ, или раскроешь несколько преступлений и – самое главное! – доведешь дело до суда, то это значительно повысит репутацию отдела. В том числе и мою, да!

Полковник затушил сигарету и еще раз остро взглянул на меня.

Конечно, я знал, что нашему Михалычу уже пятьдесят четыре года, и что ему давно пора на пенсию (например, полковники служат до пятидесяти, затем любой офицер после достижения пенсионного возраста подает рапорт о продлении службы еще на год, если хочет, конечно, а непосредственное руководство уже принимает решение в зависимости от профессиональных качеств и состояния здоровья претендента), и что уже подходит срок для подачи очередного рапорта. А если у Михалыча показатели и раскрываемость будут на уровне, как у начальника отдела, то ему вполне объективно можно рассчитывать на положительное решение, и он еще послужит.

Вот оно что, значит: если я удачно «отстреляюсь» в Чечне, то это здорово поможет Михалычу. Поэтому еду я, а не Иваницкий. Вот теперь все понятно – на полковника я уже не злился. Разумны и логичны были его действия. Скорей всего, я сделал бы то же самое на его месте.

Михалыч был одинок, с женой развелся, дети жили в другом городе, а на пенсии в одиночестве он просто сохнет. И помрет. У него остановится сердце, как у спортивной лошади, которая десятилетиями бегала и бегала, преодолевала препятствия, отдыхала немного и снова мчалась вперед, а потом вдруг внезапно была поставлена в стойло за ненадобностью. Такого существования старый мент долго не выдержит. Я отлично понимаю его. И так же, как и он, впоследствии буду бороться за каждый год службы, осознавая, что при выходе на пенсию должность начальника охраны «Газпрома» мне не предложат.

Надо было отвечать на молчаливый вопрос начальства, и я бодро произнес:

– Сделаем все, что возможно, товарищ полковник!

Я проговорил это серьезно, и он понял, что я буду работать.

«Ах ты, мать твою за ногу, Андрей Михайлович, ты старый и умный... знаешь, что я тебе обязан за то, что ты пару раз прикрыл меня и защитил, а мог бы попросту выгнать из отдела. Ты тогда не сломал мне карьеру, а теперь ждешь, что я продлю твою. И ты, старый ментяра, знаешь, что я помню об этом. И мне действительно придется постараться».

Михалыч с задумчивым видом покивал, не сводя с меня глаз (ну, конечно же, он прочитал мои мысли враз, без труда), затем вздохнул и медленно поднялся. Я вдруг заметил, как он здорово постарел.

– Ну что ж, желаю успеха! За командировочными зайдешь завтра, а послезавтра выезд. Поедешь с нашим СОБРОм, он как раз смену везет в Грозный. Там доберешься до Ханкалы, в штаб группировки, найдешь полковника Литовченко, он занимается милицейскими вопросами... Ну, все, будь здоров тогда! – Михалыч пожал мне руку, помедлил, хотел еще что-то сказать, но передумал.

Когда я уже шел к двери, мой шеф добавил мне в спину:

– А Иваницкий все равно бы никуда не поехал... И не в моей пенсии дело, ты правильно все сейчас понял. У него папа в городской Думе сидит. Сам понимаешь, ну и... – Здесь он энергично выругался, голосом и интонацией особо выделив нашу милицейскую жизнь, которая напрямую зависит от прихотей вышестоящего руководства, а также от их многочисленных знакомых и «нужных людей». Я выслушал все это, не оборачиваясь, и аккуратно потянул на себя массивную ручку двери.

* * *

Ущелье было красивым. Впрочем, как и все природные ландшафты, почти не тронутые человеком. Невысокие живописные скалы розоватого и желтого цвета тянулись по левую сторону дороги, а справа, в небольшом обрыве, глухо шумела речка. Водители машин торопились, но развить приличную скорость у них не получалось, так как встречались повороты, угол которых иногда превышал девяносто градусов.

– Давай, капитан, собирайся! – Такими словами началось для меня вчерашнее утро в Ханкале. Впрочем, я сам виноват. Правильно говорят, что инициатива снизу всегда наказуема. По прибытии в Чечню я развил никому не нужную и раздражающую всех активность. И, как назло, начальник нашего СОГа был в хороших отношениях с заместителем командующего группировкой по оперативным вопросам, что в большей части и решило дело.

Я, осмотревшись на месте и съездив несколько раз в Грозный, сразу удивился невероятному количеству машин на улицах с самыми различными российскими номерами. Складывалось впечатление, что толпы туристов со всех регионов нашей необъятной страны приехали сюда в отпуск. Общую картину портило только наличие вооруженных людей на улицах и ощущение опасности, которое не исчезало ни на минуту.

Поразмышляв некоторое время, я выложил свою идею начальству. И мне дали добро. И еще добавили в помощь якутский СОБР с двумя бэтэрами. А вот компьютера, правда, не дали. Пришлось выбивать у руководства спутниковый телефон. Но результаты работы нашей группы за одну неделю оправдали все денежные затраты, в которые обходилось содержание такой дорогой аппаратуры.

Мы останавливали на улице любую машину, на которой были не чеченские номерные знаки (а попробуй не остановись, якуты стреляли на поражение сразу, ничуть не колеблясь при этом), и начинали проверять ее на угон. Я звонил по телефону в Ханкалу, и там быстро «пробивали» транспортное средство по базе данных.

Все шло замечательно, но вскоре возник естественный вопрос: а что делать с арестованными машинами? Их прежние хозяева как-то не особо торопились приехать за ними. Можно было бы работать и дальше, но после нескольких мягких намеков нашу активность пришлось

понизить, а после и вообще сократить. В общем, произошло то, что и на целине, – время уборки рекордного урожая. Убрать-то его убрали, проявляя мужество и героизм, но вот вывезти как-то не получилось.

Поэтому, когда вся штрафная стоянка оказалась забитой угнанными автомобилями и постепенно стало понятно, что это навсегда, мне посоветовали сменить профиль. Работы для оперов всегда хватало, и в один прекрасный день я выехал из Ханкалы в горы.

– Будешь налаживать оперативную работу в... – полковник Литовченко запнулся, надел очки и всмотрелся в карту, разостланную у него на столе, – ... в Мах-ки-ты... – по слогам прочитал он и затем произнес в полный голос: – Село Махкиты. Маленькая горная деревня, Крохалев, но и там должна быть российская власть... придадим тебе еще трех человек, и принимай командование. Там ты будешь и уголовный розыск, и участковый, и... Ну, в общем, ты понял... и швец, и жнец, и... как там? – поднял глаза на меня начальник.

– На дуде игрец... – хмуро ответил я, сразу представляя себе все прелести подобной командировки.

– Правильно, капитан!.. Задачу ты усвоил, я вижу, колонна сформируется через дня два-три, держи связь с моим заместителем, он тебя оповестит... Вопросы?

Вопросов у меня не было, и полковник, отпустив меня, сразу же занялся другими делами.

Для человека, который находится на войне (словосочетание «контртеррористическая операция» и в трезвом виде не всегда выговоришь без запинки, поэтому мы называли вещи своими именами, а как еще иначе назовешь занятие, когда люди стреляют друг в друга и убивают, не учениями же!), все делится на удобно и неудобно.

Удобно спать, не раздеваясь, чтобы в случае внезапного нападения сразу хватать автомат, а не штаны. Неудобно подходить к подозрительной машине, которую проверяешь, слева, спереди и со стороны водителя. Так ему удобней застрелить тебя, слегка лишь приоткрыв дверцу. Но ему будет неудобно целиться, когда ты подходишь со стороны пассажира...

Эта нехитрая наука выживания на войне уже давно была реанимирована и всюду использовалась теми солдатами и офицерами, у которых хватило ума понять, что не надо изобретать велосипед, который уже давно и успешно придумали их деды и прадеды на Великой войне.

Сборы были недолгими. Сформировавшаяся колонна, фырча дизелями и выбрасывая черный вонючий дым, выдвинулась из Ханкалы, минуя тройное кольцо охранения.

На дорогах республики передвигалась масса боевой техники, начиная от всевозможных машин обеспечения и заканчивая древними танками, снятыми с консервации. Все это ревело, гремело, разбивало асфальт и совершенно не соблюдало никаких правил дорожного движения. Светофоров и гаишников в Чечне в это время давно уже не было, кто будет на войне следить за тем, чтобы колонна на марше не пересекала двойную сплошную?..

На каждом крупном перекрестке стоял блокпост, создавая ненужные помехи. Гражданские машины старались держаться подальше от военных, так как из них очень легко было получить автоматную очередь в лобовое стекло или в борт. За что? Да хотя бы за то, что «со злым умыслом вклинился в боевую колонну, создавая помехи движению». Этого вполне было достаточно, чтобы расстрелять любую подозрительную машину. Или просто ту, в которой не понравились пассажиры. Как правило, никто из командиров не тратил время на такие бесполезные вещи, как розыск стрелявшего. Чеченцы за рулем попросту боялись солдат, которые управляли своей техникой.

Мы проехали Шали и свернули на юг, на узкую асфальтированную разбитую дорогу, которая сразу заплеталась среди невысоких холмов и пока еще пологих длинных гор. Был конец мая. Сочная трава уже всюду цвела на их вершинах, мягко стелясь под порывами свежего ветра. В светлой облачной дымке на очень далеком расстоянии угадывались крупные горы.

Я сидел на броне бэтэра, глотая пыль от передних машин и крутя головой по сторонам. Рядом со мной сидели еще несколько человек в форме и с оружием. Все они ехали по служебным делам в военные комендатуры, расположенные в Шалинском ущелье.

Офицеры курили и оживленно обменивались мнениями, выкрикивая друг другу слова прямо в ухо, так как натужный рев дизельного двигателя не давал им спокойно разговаривать.

На окраине Агишты (жестяной дорожный указатель с названием населенного пункта был прострелен во многих местах, и я с трудом прочел это слово) несколько мальчишек играли возле дороги в футбол. Заметив наши машины, они бросили свое занятие и столпились возле разбитого асфальта, молча глядя на медленно идущие груженные машины.

Один из них вдруг показал мне вытянутый средний палец и что-то начал исступленно выкрикивать, подпрыгивая на месте от возбуждения. Я присмотрелся. Мальчишка как мальчишка, худой, черноволосый, лет тринадцать-четырнадцать, не больше, одет в грязные стиральные джинсы и майку. Ничего необычного, кроме его глаз. А в них полыхала ненависть. Открытая и ничем не сдерживаемая. Вот он нагнулся, схватил камень и бросил. Камень не долетел и на излете попал в колеса бэтэра. Краем глаза я уловил рядом движение и повернул голову.

Парень, сидевший со мной (погон видно не было из-за закрывающей его плечи разгрузки), вскинул автомат и повел стволом в направлении чеченцев. Его сосед вовремя среагировал (все, кто сидел на «броне», тоже заметили этих пацанов и смотрели на них) и быстро поднял левой рукой оружие вверх. И тут же воздух разорвала короткая очередь. Я невольно пригнулся и мигнул. В правом ухе зазвенело. Подростки бросились за сваленную возле крайнего дома кучу строительного песка. Кто-то из офицеров громко засмеялся.

– Ты сдурел, парень?! – долетели до меня слова. – Это же дети!

– Ты сам дурак! – так же зло прокричал ему в ответ стрелявший – Это чеченцы!

Парень в камуфляже внимательно посмотрел на стрелка, покачал головой и отвернулся. Я посмотрел на него. Кавказец, что ли?.. Поэтому он, видимо, и «впрягся» за пацанят. Скорей всего... ну да и хрен с ним.

На остальных этот эпизод не произвел никакого впечатления. Если бы тот, кто так ненавидит население республики, в которую он прибыл для наведения конституционного порядка, даже и не промахнулся бы, то колонна, скорей всего, не замедлила бы своего движения. Для непредвиденной задержки девяти машин должна быть более существенная причина, чем убитый чеченец.

Постепенно безлесые холмы и взгорки стали меняться на гористую местность. Вот из ущелья появилась река, бегущая нам навстречу. Это она за многие десятки тысяч лет прорыла в известняковых породах себе путь, а люди только расширили его и приспособили для своих нужд. Скалы, громоздившиеся слева по движению, были покрыты густым темным зеленым кустарником и деревьями. Лес тянулся еще выше, закрывая собой вершины хребта. Температура слегка понизилась, и начала ощущаться предгорная свежесть.

Чем дальше мы поднимались вверх по ущелью, тем больше нарастало внутреннее напряжение. Шутки и смех прекратились. Пару раз я заметил, как сосед прикладывался к солдатской фляге, шумно выдыхал и нюхал рукав. Ему было страшно, как и всем, и он успокаивал свои нервы привычным русским способом, поднимая себе тонус, не понимая очевидной вещи, что пьяный человек опасен как и за рулем, так и с автоматом в руках. В обоих случаях опасность неверно оценить быстро меняющуюся обстановку возрастает многократно, а это всегда заканчивается печально. Можно и нужно выпить после того, как миновала опасность, но уж никак не во время или до нее...

Тот самый парень, который не дал ему выстрелить в подростков, бросил на него несколько презрительных взглядов. Мы переглянулись. Парень сплюнул в сторону, на камни. Я понимающе кивнул.

Горы хороши для отдыха и геологических исследований, а вот для нас они были неудобны. Потому что были удобны для тех, кто решил бы здесь напасть на нашу маленькую колонну. Грамотно поставленную засаду невозможно обнаружить – это не кино, можно лишь только предугадать место, да и то далеко не всегда. А на горной дороге таких мест всегда предостаточно.

Нехорошее предчувствие мучило меня. Ну даже не мучило, а так... настроения не было, что ли... Я сидел на броне бэтэра, который замыкал цепочку машин, постоянно оглядывался и крутил головой по сторонам.

Обрывистые скалы, густо покрытые поверху кустарником, поднимались примерно на высоту пятнадцати-двадцати метров, и между ними не было никакого просвета.

«Вот оттуда хорошо бы по нам из гранатомета пальнуть, а вот там очень удобно пулеметик поставить... «ПК» броню не пробьет, конечно, но вот машины и личный состав побьет, и ничего ему не сделаешь, высота хорошая, и даже намека на подъем не видно, не подберешься к нему, пострелял и отошел спокойно... А вот для снайпера вообще позицию лучше не придумаешь, вот у этого одинокого деревца на самой вершине, он оттуда все увидит, сволочь, и расстояние метров триста, сверху вниз стрелять будет, идеал для «СВД». Вот такие мысли одолевали меня, когда я обозревал красивые ландшафты живописного горного ущелья, которое было очень неудобным во время войны.

За очередным крутым поворотом скалы слегка расступились, и колонна втянулась на неширокое, покрытое невысоким кустарником горное плато. Все девять машин оказались в пределах видимости. Я только сейчас ощутил, как моя рука судорожно стискивает рукоятку автомата. В горле пересохло, несмотря на свежий встречный ветер. Я отпустил оружие, потряс правой кистью и потянулся к фляжке на поясе. Открутил крышку и, приложив алюминиевое горлышко к губам, с наслаждением стал пить тепловатую жидкость. Местную воду мы не употребляли, почему-то практически у всех она вызывала расстройство желудка, и во фляжку я налил нарзан, который в невероятных количествах поставлялся в воюющую группировку.

Когда я поднял голову, то увидел, как с недалекой розовой скалы сорвалась темная стрела и рывком устремилась вниз, прямо к головному бэтэру. На светлом фоне я ее хорошо разглядел, правда, только на долю секунды. И тут же услышал оглушительный грохот. Как потом я вспоминал, особого удивления я не почувствовал. Только в мозгу на мгновение вспыхнула мысль: «Ах, как нам сейчас неудобно...»

Фляжка полетела в сторону, и я рывком дослал патрон в патронник. Предохранитель был заранее поставлен на одиночный огонь. Наш водитель нажал на тормоз, и от резкой остановки я слетел с «брони» прямо в зеленую сочную траву у дороги. Руки были заняты оружием, и я просто не смог удержаться. Я сгруппировался и перекатился через голову, даже в столь неловком положении аккуратно прижимая автомат к груди. Это была единственная моя защита, и я не собирался в такой ответственный момент сбивать прицел у своего оружия, с размаху хряпая ствол или цевье о камень или даже о твердую землю. Я на сто процентов готов был подставить вместо автомата свою руку или ногу, лишь бы не сбить прицел. Мне уже раз пришлось стрелять из такого оружия, и я очень хорошо помнил то невероятное отчаяние, овладевшее мной, когда я раз за разом не попадал в окно на расстоянии какой-то сотни метров, откуда по нам стрелял боевик.

Чеченский гранатометчик все рассчитал правильно и взял упреждение на движение, но не учел нашей внезапной остановки. Вторая граната разорвалась прямо под носом нашего бэтэра. У командира боевой машины было несколько секунд для принятия решения. Он принял его сразу и отдал команду водителю и наводчику. Двигатель бронетранспортера взревел на высоких оборотах, машину резко бросило вперед, и башня с крупнокалиберным пулеметом сразу начала разворачиваться влево, в направлении скал. С «брони» на траву начали спрыгивать люди, перекачываться, занимать удобную позицию и стрелять. Остаться на «броне»

бешеного бэтэера, который маневрирует, уворачиваясь от прицельного попадания гранаты, и одновременно стреляет из двух пулеметов, никому и не пришло в голову.

Ну а мне, как всегда, не повезло. Оказавшись на земле, я инстинктивно бросился искать ближайшее укрытие. Им оказался громадный валун, до которого и было-то метров двадцать. Оказавшись за ним, я передвинул прицельную планку на трехсотметровую отметку и высунул голову из-за камня.

Перекрывая грохот выстрелов, кто-то совсем рядом заорал мне прямо в ухо:

– Пулемет видишь?! Вон там, между двумя камнями!!! Давай мочи его, у тебя «весло», должен попасть!!!

Я вздрогнул и обернулся. Рядом со мной прижимался к камню парень в испачканном камуфляже и яростно смотрел на меня. Тот самый, который сказал, что те пацанята – еще дети... Знакомиться времени не было.

– Где?!

– Вон за деревьями, ближе к краю!!! У меня пять – сорок пять, я не могу снизу ветки пробить!!!

«Весло», как в войсках называли автомат Калашникова с нескладывающимся деревянным прикладом, выдавали на время командировки всем неспецназовцам. Это было старое оружие, снятое с консервации. Автоматный рожок вмещал всего двадцать патронов, и автомат был несколько неудобен из-за своих размеров. Но «АКМ» калибра 7,62 отличался одним несомненным достоинством. Его пули обладали громадной пробивной способностью, в отличие от 5,45. Была только одна беда – на мой автомат повсеместно не хватало патронов. Ведь предполагалось, что оперативники боевые действия вести не будут...

Но пока патроны у меня были, аж целых восемь магазинов (этим добром я запасся еще в Грозном, выменяв их на блок сигарет у старшины), и я, выставив ствол, снова высунул голову из-за укрытия.

Пулеметчика я засек сразу, сначала по звуку, а затем и его место. Он стрелял короткими очередями, и силуэт человека угадывался за паутиной веток на краю обрыва. Ну что ж. Я снял его со второго выстрела и обострившимся зрением увидел, как пулемет выпал из рук убитого, перевернулся в воздухе и полетел вниз.

– Молодец!!! Теперь аккуратно стреляй в тех, кого увидишь! Только позицию почаще меняй, понял?! А я с той стороны стрелять буду! – С этими словами парень поудобней перехватил автомат и исчез из поля зрения за бугристой громадиной валуна.

Нас пока боевики не заметили. Они планомерно уничтожали машины и людей, которые были перед ними внизу, в центре лощины, как на ладони.

Сразу было подбито три машины и головной бэтээр, который загородил узкий проезд на дороге. Уцелевшие солдаты и офицеры перебежками стали собираться за подбитой техникой, которая хоть как-то защищала их от пуль.

Снизу стрелять очень неудобно, нет упора для оружия, да и боевиков совсем почти что не было видно за высоким краем обрыва, только тоненькие черные стволы рисовались на голубом фоне неба и изрыгали в долину горячие пули, несущие смерть.

В общем, разгром был полный. Ситуацию несколько спас уцелевший бэтээр. Резко тормозя и маневрируя на узкой площадке, ломая кусты, выворачивая колесами грунт вместе с травой, экипаж свое дело сделал. Водитель рвал передачи, не жалея трансмиссии, пулеметчик судорожно вращал маховички наводки, а командир даже открыл люк и высунул голову, чтобы лучше видеть местность. Гранаты для «РПГ» у нападавших закончились, их и было-то штук шесть, наверное, а больше «броню» ничем не возьмешь, и мощное оружие бронетранспортера сразу дало о себе знать. Пулемет калибра 14,5 мм страшен с любого расстояния, а уж с двухсот метров – тем более. Его гулкие короткие очереди выбивали каменные осколки, искры, кро-

шили камни и ломали деревья. Замкнутая цепь скал невероятно умножала акустическое эхо от выстрелов, и в ушах стоял сплошной непрекращающийся хаотичный гул боя.

Методично вколачивая пули в край обрыва, от попадания которых ощутимо содрогалась земля, пулеметчик заставил боевиков откатиться на безопасное для них расстояние. От этого оружия не спрячешься, а погибать, молодецки подставляя грудь под пули неверных, чеченцам не хотелось.

Тут же оценив ситуацию, кто-то из офицеров дал команду, и оставшиеся в живых люди начали выскакивать из обстреливаемой зоны и скрываться за скалами на повороте. бэтээр столкнул поврежденную технику в речку, и два уцелевших «Урала» быстро выкатились за пределы котловины... А мы остались.

Весь бой занял минут пять, а то и меньше, я очнулся только тогда, когда внезапно все перестали стрелять. Уши заложило, и я с недоумением закрутил головой, когда наступила тишина. В сотне метров от нас догорал грузовик, осевший на пробитые колеса. Еще две дымившиеся машины с распахнутыми дверцами стояли дальше. На развороченной земле, перемешанной с травой и ветками, лежали трупы и тяжелораненые. Свежий ветерок, дувший по ущелью снизу, быстро уносил вонь сгоревшего пороха.

То, что наши ушли, я понял не сразу. А когда сообразил, то растерянно оглянулся назад в поисках своего невольного напарника. Его очереди во время боя постоянно оглушали меня и сбивали с прицела. Только тот, у которого над ухом хоть раз выстрелил автомат, поймет меня. Но тем не менее я быстро привык к этому грохоту, от которого, казалось, лопались барабанные перепонки, и несколько раз, как мне показалось, удачно выстрелил и попал. Нашу небольшую мобильную группу не заметили во время этого короткого боя, все внимание боевиков было привлечено к основной массе солдат, которые отстреливались на противоположном конце котловины.

– Что?! – сзади крикнул мне парень в камуфляже. Я резко обернулся, посмотрел в его сумасшедшие и пока еще ничего не понимающие глаза, быстро обнял его шею левой рукой, притянул к себе и проговорил ему прямо в ухо:

– Наши ушли! А мы остались! А теперь тихо!

Тут надо отдать ему должное. Он моментально оценил ситуацию, челюсти его сжались, глаза сузились, и он невольно посмотрел вверх, на скалы, чтобы перейти от состояния человека, который пять минут назад находился среди полусотни вооруженных людей, причем своих вооруженных людей, к состоянию партизана в тылу врага, со всеми вытекающими отсюда последствиями и сложностями – на это должно уйти некоторое время. Но у нас его не было.

Спецназовец (скорее всего, как подумалось мне, уж очень уверенно он держал оружие и хорошо двигался именно с оружием, что выдавало долгие тренировки с ним) опустился на корточки, быстро отсоединил автоматный рожок с патронами, рывком вытащил из кармашка разгрузки другой и вставил его в автомат. На все это у него ушло три секунды. Я бы копался дольше. Парень молча поднялся и тихо сказал мне:

– Перезаряди.

Я сделал то же самое. Когда я закончил, то услышал голоса на поляне. Облегчение уже готово было прорваться криком вроде «Эй, братва, мы здесь!», как мой напарник пригнулся и, чувствуя, что я смотрю на него, быстро прижал палец к губам. Я осторожно, медленно вытягивая шею, выглянул из-за камня. На ровную поверхность горной дороги, к разбитой колонне, из кустов выходили бородатые люди с оружием.

– Там где-то навверх подъем есть, мы-то не знаем, а они знали... – вполголоса пробормотал спецназовец и глянул на меня. – А сейчас отходим... – И он мотнул головой в сторону, противоположную той, откуда пришла наша колонна. – Давай ползком. Я прикрою.

Раздумывать времени не было.

Ввязываться в бессмысленную перестрелку со вполне понятными последствиями не хотелось. Я быстро опустился на траву, перекинул автомат через локоть и пополз, подавив в себе страх быть обнаруженным и опасаясь выстрела в спину.

* * *

Сразу же за поворотом, который заслонил место разгрома, мы спустились к речке и быстро двинулись по берегу вниз по течению. Мы шли молча.

– Потом поговорим, – вполголоса сказал мне спецназовец, – а сейчас надо подальше отойти.

Я кивнул в знак согласия и с удвоенным вниманием стал глядеть на камни под ногами. До меня вдруг дошло, что если кто-то из нас повредит голеностоп и не сможет передвигаться, то помощи ждать неоткуда и не от кого.

– Ноги береги, – буркнул я в широкую спину, обтянутую камуфляжем.

– Знаю, – так же тихо ответил мне парень. – Сам аккуратней...

Мы прошли около двухсот метров по речным белым камням, заходя иногда в воду, отводя ветки руками, если не могли пройти по берегу.

До моих ушей донесся приглушенный расстоянием и шумом реки выстрел. Потом еще один. И еще... Я остановился, сжимая руками оружие. Дикая догадка вспыхнула в моей голове, но верить ей не хотелось.

– Раненых добивают, – сквозь зубы процедил напарник, не поворачиваясь ко мне. – Привал здесь сделаем. Они о нас даже и не догадываются... – проговорил он и шагнул под старую чинару, которая вместе с разросшимися кустами образовала густой полог из веток и листьев над бегущей водой. Спецназовец быстро осмотрел наше временное укрытие, удовлетворенно кивнул, сел на камень и развернулся ко мне лицом. Я сел напротив, бездумно глядя на него. Перед глазами стояла широкая поляна с горевшими машинами и лежавшими на траве людьми. Сейчас боевики со смехом переворачивали их, обыскивали и стреляли раненым прямо в лицо. Парень догадался.

– Мы на войне, брат, – проговорил он вполголоса и сморщился. В его глазах я увидел бессилие и злость. – Сам знаешь, что сейчас мы им ничем не поможем. Только рядом ляжем. «Духов» слишком много...

Я кивнул и тяжело вздохнул. Мы на войне... И в ту же секунду холодок ужаса с размаху бесшумно ударил меня по спине смертельно холодной плеткой. А ведь я точно так же мог лежать там, если бы не увидел выстрел из гранатомета. Повезло мне, не повезло? Не знаю... Приняв решение рассказать об этом самому себе, если останусь жив, я помотал головой и несколько раз сжал слегка дрожавшие пальцы в кулак. Затем поднял глаза на спецназовца.

Теперь я смог внимательно рассмотреть его. Кругловатое лицо с короткими темными волосами было напряжено и нахмурено, черные серьезные глаза внимательно изучали меня. Только теперь я заметил нашивку на его левом рукаве. «Собровец, значит... Вот почему он так хорошо в бою держится... обстрелян наверняка... кавказец, несомненно, по физиономии видно... интересно, откуда он». Я уже знал, что в боевых действиях в Чечне принимали участие и кавказские отряды быстрого реагирования из соседних с Чечней республик. Скидок на то, что кавказцы не хотят воевать со своими соседями, руководство МВД РФ не делало. Как правило, эти отряды были малочисленны, но все-таки они были.

В его речи я совершенно не заметил акцента. «Прикидывает, чего я стою – можно ли со мной выбраться отсюда», – подумал я и сказал:

– Ну и что дальше-то делать будем? Похоже, положение у нас хреновое.

Парень в знак согласия кивнул.

– Хреновое... – Он не отрывал от меня глаз. – Но если мы не обделаемся и если нам повезет, то сможем выйти. Мы где-то километров семьдесят от Грозного, в горах, правда... Но даже не в этом дело. Достаточно дойти до любого крупного блокпоста, и все будет в порядке. Нам нужно продержаться дня четыре, пять, и я выведу тебя отсюда. Это не равнинный лес. Пойдем вниз по речке и рано или поздно наткнемся на какое-нибудь село. А там и наши будут стоять. Этот район вроде бы зачистили, хотя... – тут он умолк и скрипнул зубами.

Я кивнул. Перед глазами снова возникла развороченная земля, а на ней в самых разнообразных позах лежали трупы солдат, которые ехали в колонне вместе с нами.

– Сейчас посмотрим, что у нас есть, а там будет видно, – проговорил спецназовец и принялся сноровисто вытаскивать из разгрузки автоматные рожки и подсчитывать патроны. Я, секунду помедлив, тоже принялся обследовать свою амуницию.

В боевом отношении мы оказались отлично снабжены. В автоматных рожках, правда, патроны кончились, но парень вытащил из заднего рюкзака разгрузки патроны в промасленных бумажных пачках и принялся быстро заряжать магазины. У меня тоже был подобный боезапас, только поменьше. К тому же у нас имелось по пистолету: «стечкин» и «ПМ», во время боя мы их не использовали. И у каждого оказался нож. В общем, продать свои жизни мы бы смогли дорого. Куда сложнее дело обстояло с питанием. Если точнее сказать, его не было вообще. Сухой паек, выданный нам перед дорогой, остался в вещмешках, лежавших в десантном отсеке ушедшего бэтэера. Посмотрев на бежавшую рядом бурную речку, я мрачно подумал, что хоть от жажды мы не умрем. Если нас раньше не убьют... Я вдруг поймал себя на мысли, что даже не знаю, как зовут человека, с которым свела меня судьба. Надо познакомиться, не будешь же все время «экать» и «тыкать».

– Меня Сергей зовут... Я опер, из СОГа... Сам из Нижнего Новгорода.

– Я Артур, из черкесского СОБРа.

«Вот оно в чем дело. Теперь понятно, почему здесь кавказец появился и на местности быстро сориентировался. Да он практически местный. Ну что ж, с ним полегче будет», – подумал я и протянул парню руку.

* * *

– Двигаться надо сейчас, – проговорил Артур и посмотрел на часы. Затем взгляделся в них, покачал головой, поморщился, снял часы с руки, покачал в ладони и бросил их в воду.

– Разбились, а где, не помню. Да и хрен с ними. Сейчас темнеет где-то часов в девять. Но это на равнине. В горах темно уже станет в шесть. Надо идти, Серега.

Я молча кивнул и поднялся. Собровец внимательно осмотрел место нашей временной стоянки, затем быстро вытащил нож и поднял им дерн. В образовавшуюся ямку он сгреб бумажный мусор, оставшийся от разорванных пачек с патронами, и аккуратно прикрыл срезанной травой. Удовлетворенно кивнул, поднялся, убрал нож и первым двинулся вниз по течению.

– Надо подняться выше, – вполголоса сказал он, когда мы прошли около сотни метров. – С высоты мы сможем первыми заметить «духов», да и обороняться легче будет в случае чего.

Мы поднялись на обрывистый берег, затем перебежали дорогу и в удобном месте вскарабкались на невысокие скалы. Выше находился лес. Артур кивнул на него, затем пригнулся за камнем и замер. Я не понимал, чего он ждет. Как мне показалось, нужно было немедленно бежать в густые заросли, которые надежно укроют нас от нескромного взгляда.

– Пойдем по одному, – прошептал мне на ухо мой напарник, – я первый, ты прикрываешь, перебежки не более двадцати метров. Максимально пригибайся. Как упадешь, следи за мной и прикрывай во время движения. Старайся идти след в след, не хватает нам еще на мину напороться. Ты понял?!

Кто и зачем будет ставить мины в практически безлюдной местности, я так и не сообразил, но времени на раздумье уже не было.

– Понял я. Давай!

Спецназовец поднялся и бесшумно бросился вперед. Я за ним. В несколько бросков мы достигли окраины горного леса.

– Вода есть? – спросил у меня Артур, когда мы добрались до линии невысоких кустов.

– Спирт есть.

– Лучше б воду взял.

– У тебя же есть, вот фляжка у тебя на поясе.

– Да там тоже спирт, хоть я и не пью.

– А для чего взял?

– Чтоб не замерзнуть.

Я хмыкнул и повернулся к нему спиной. Артур понял. Разорвав липучую застежку на моем рюкзаке разгрузки, он вытащил литровую пластмассовую бутылку с нарзаном.

Приложился, набрал полный рот воды, шумно пополоскал и выплюнул.

– Ночью попою. А сейчас я первый, ты за мной... в пределах видимости. Это метров четыре-пять. Если меня убьют, выберешься, ты уже знаешь как, – проговорил он тихо, и мы двинулись вперед, по границе невысокого леса, который краями то спускался к речной долине, то поднимался чуть ли не к верхушке горы, заставляя нас выписывать вертикальные кривые на склонах довольно-таки крутого лесистого хребта. Я матерился про себя, но понимал, что моему напарнику виднее, как идти, СОБР, в конце концов, он обучен как следует, и ему понятнее здешняя обстановка – здесь его родина, а вот когда окажемся в Нижнем (может быть!), то он будет слушаться меня.

Я тупо переставлял ноги, стараясь только не упустить из виду широкую спину в камуфляже, становившуюся все темнее в свете заходящего солнца.

Внезапно далекий грохот выстрелов нарушил тишину ущелья. Сразу утихло слабое, затихающее чириканье птиц, которые возились в своих гнездах, устраиваясь на ночь. Мы упали в траву, выставив перед собой автоматы, и закрутили головами, пытаясь в наступающей темноте определить источник звука и расстояние до него.

Пальба быстро нарастала. Эхо наконец отразилось от скал и начало гулять по ущелью, заглушая шум воды.

Артур повернул ко мне голову.

– Это наших херачат...

Я молчал, с нарастающей паникой глядя в его бледное в свете встающей луны лицо с темными провалами вместо глаз.

– Наших?! – проговорил я в полный голос.

– Да. Комендатуру, скорей всего.

Тон у него был угрюмым.

– Это значит...

– Это значит, что нам помощи ждать неоткуда, – проговорил спецназовец, поднялся на колени и затем сел. Его фигура черной глыбой нависла надо мной. – Я сомневаюсь, что это обычный ночной обстрел. Скорей всего, штурм. Слышишь, как стреляют?

Общая канонада, в которой нельзя было различить отдельных выстрелов, распалась на локальные перестрелки и постепенно затихала. Послышались более гулкие, как бы толкающие воздух звуки.

– Это гранаты пошли в ход. Или наши отбились, или им всем конец.

Я кратко и выразительно выругался, осматривая ущелье, погруженное в темноту.

– В том селе, что проехали... Не помнишь названия?

– Тевзаны, что ли...

– Скорей всего.

– Это ведь недалеко. Километров пять-шесть будет. Едрена корень!

Спрашивать, что же нам теперь делать, я не стал. Ситуация была понятна и без объяснений. Ближайшая помощь, на которую мы могли рассчитывать, скорее всего, уничтожена.

– Наши ночью не воюют. Так что... – И Артур вздохнул, а затем выругался на незнакомом языке.

Через некоторое время стрельба вообще затихла.

– Ну не сидеть же нам здесь всю ночь, – тихо сказал мой напарник как бы самому себе. – Надо все равно идти вниз по течению, выходить на равнину.

Я еще секунду полежал, бездумно уставясь в траву перед собой. Подниматься назад по дороге, которая вела к Главному Кавказскому хребту, вообще не было смысла. Артур прав, надо рискнуть. Так все равно ближе к нашим.

– Тогда пошли!

Я решительно встал, поправил оружие и посмотрел на Артура.

– Сейчас все боевики там, вряд ли кто нас увидит. Подойдем ближе к селу, там и разберемся... Я первый иду, ты прикрываешь.

* * *

– Привал! – прошипел мне в лицо Артур, когда мы обогнули очередной поворот на хребте.

Я сразу же упал на спину и задрал ноги вверх. Ступни ощутимо горели. Нелегко идти в темноте в горах. Все мышцы тела постоянно напряжены, ожидая какой-нибудь пакости в виде ямы или камня под ногами. Нам здорово помогла луна, освещающая довольно сильным светом (я даже удивился) лес и светлые скалы. За то время, что мы двигались параллельно дороге, по ней проехали всего две автомашины. Артур неуклонно шел по границе росшего на скалах леса, чтобы в любую секунду исчезнуть в спасительной черной тени деревьев. Наконец он выбрал подходящее место. Несколько высоких лиственниц, стоявших рядом, защищали нас со всех сторон от ненужных взглядов и могли послужить укрытием в случае стрельбы.

Я огляделся. Мы находились на границе водораздела. Легкий ветерок обдувал наши разгоряченные лица. Но холодно не было. Стоял конец мая, и я здорово надеялся, что мы не замерзнем. До границы снегов было еще очень далеко. Мы находились на одном из многочисленных невысоких хребтов, покрытых лесом. Внизу, под ногами, в резком свете полной луны серебрилась река, и рядом с ней светлой узкой лентой угадывалась дорога.

– Заночуем здесь! Комаров нет, ветерок, и господствующая высота... Пойдет! – решил мой напарник. – Дежурить будем по очереди, как обычно. Я с двенадцати до трех, ты с трех до шести. А там и двинемся.

– Сними берцы и помой ноги... – распорядился спецназовец, положил автомат рядом с собой, затем бесшумно и быстро разулся. – Ноги надо беречь... эти приколы я знаю. У меня уже грибок. Я неделю ботинки не снимал в Буденновске, когда Басаев туда зашел. Басаев приходит и уходит, а грибок остается... Давай, воды не жалея... Вот она, рядом.

Сполоснув горячие ступни теплой водой (сразу стало немного легче, видимо, кожа задышала), я натянул мокрые от пота носки, вытянул ноги, нашарил в кармане пачку сигарет (я совершенно забыл о них, никотиновый голод не мучил совершенно, задачи дня по выживанию не оставляли времени на спокойное обдумывание ситуации, когда можно было с наслаждением покурить), вытащил мятую пачку и с удовольствием ощупал ее. Сигарет десять были еще в наличии.

– Я закурю, ничего? – задал я вопрос темной фигуре напротив меня. Как-то так получилось, что я начал слушаться Артура. Но что поделаешь... В горах я никогда не был.

– Кури, вряд ли кто сейчас здесь в поиске. Ни наши, ни они.

Я с удовольствием затянулся и неспешно выпустил дым в звездное небо. Ну что ж. Я пока живой. А там будет видно – побьемся еще!

Я докурил сигарету и тщательно растер окурки рядом с собой. Затем с силой вдавил его в землю, утопив почти полностью. Я знал, что Артур наблюдает за мной, и не хотел нарваться на его замечание. Заложив руки за голову, я с удовольствием потянулся, вдохнул полной грудью свежий вечерний горный воздух, прикрыл глаза и внезапно напрягся. Сначала я подумал, что мне мерещится. Но, потянув воздух ноздрями еще раз, я повернул голову в направлении легкого ветерка. Вдохнул запах и посмотрел на Артура.

– Да, Серега, кто-то неподалеку жарит мясо – пастухи или боевики, – произнес он, тоже жадно принохиваясь.

– Что делать будем? – спросил я и внезапно ощутил голодную резь в желудке. После такого тяжелого денька и ходьбы на свежем воздухе вдруг невероятно захотелось есть.

– Пойдем посмотрим, – после некоторого молчания принял решение напарник. – Я первый. А ты пока здесь полежи. Мало ли что.

Он, не дожидаясь моего ответа, бесшумно встал, подпрыгнул два раза («Ничего даже не звякнуло», – отметил я невольно) и быстро скрылся в темноте. Я поудобней устроил автомат перед собой и приготовился к возможным неожиданностям.

* * *

– Серый, это я, не стреляй, – негромко произнес голос неподалеку от меня, примерно через полчаса мучительного ожидания.

– Давай сюда, – прошипел я и облегченно выдохнул. Чего только я не передумал за это время...

Артур неслышно вырос передо мной, опустился на корточки, притянул меня за шею к себе и зашептал на ухо:

– Здесь они, в лощине... У костра два человека. Собак нет вроде. Похоже, что пастухи. Наведаемся?

– Давай! – решительно ответил я. – Жрать хочется уже, а сколько нам еще топтать, никто не знает.

– Ну давай, – согласился собровец. – Только так сделаем... – И он в нескольких словах изложил свой план.

Мы спустились в неглубокую ложбинку с густой травой, подошли к пастухам с подветренной стороны (запах жареного мяса стал совсем невыносимым, я даже аккуратно сплюнул под ноги забившую рот слюну), залегли и понаблюдали еще немного.

Люди у костра могли быть кем угодно, они были одеты в солдатские камуфляжи, вот только возраст был у них явно старше призывного. Причем намного.

– Овцами пахнет, – еле слышно прошептал Артур.

Как он смог в одуряющем аромате шашлыка унюхать овец, я так и не понял, но задумываться не стал.

Собровец коснулся моего плеча и бесшумно поднялся.

Через три минуты он вышел к костру справа от меня, не подходя близко, чтобы не закрывать мне линию стрельбы.

– Салам алейкум, – поздоровался он негромко, быстро опустился на одно колено и прицелился в двух «солдат» из автомата. Те повернули головы на звук его голоса и замерли. В прыгающем свете костра их лиц не было хорошо видно, можно лишь разобрать, что эти двое уже в возрасте. Они неторопливо двигались, причем эта неторопливость явно происходила от старческой немощи, а не от здоровой молодой усталости.

– Нам надо мясо, сними его, заверни в тряпку и положи вот сюда. – С этими словами Артур бросил им пластиковый пакет с небольшим камешком внутри. – Я рядом с тобой вижу автомат. Трогать его не надо, ты же видишь, что я всегда успею убить тебя.

И так как двое чеченцев все еще не двигались, ошеломленные бесшумным и внезапным появлением человека, Артур чуть громче добавил:

– Шевелись давай!

Один из сидящих произнес какую-то короткую фразу. Языка я не разобрал. Если судить по интонации, то это был вопрос.

– Нет, я не чеченец, – ответил мой напарник. – Еще одно слово, и ты умрешь. У меня просто нет времени на болтовню с тобой.

Произнес он это тихо и убедительно. Даже мне стало страшно. Я затаил дыхание. Если сейчас чеченцы начнут говорить, выгадывать время, то придется их убить. Стрелять в спокойно сидящих людей, почти стариков, у меня не хватит духу, это я понял моментально. Я от души надеялся, что это сможет сделать Артур, ведь без пищи мы долго не протянем... Мысль, конечно, была гаденькая и неприятная, но оправдываться сам перед собой я не стал. Мы были на войне.

Наконец сидевший у костра человек с седыми, почти белыми волосами кивнул своему товарищу, тот встал, поднял пакет и принялся складывать в него снятое с деревянных палочек мясо. Артур молчал, застыв как изваяние в классической позе «стрельба с колена», и я едва различал его фигуру в прыгающем свете костра. Молчали и чеченцы, только шелестел пластик.

– Хлеб еще положи, – нарушил молчание спецназовец, ни на секунду не меняя своего положения.

– Ты далеко не уйдешь, – теперь на русском спокойно проговорил тот самый седой, глядя в костер. – Наши вчера вошли в Грозный, там еще бои идут, но еще немного осталось. Все ваши блокпосты в ущелье разбиты и захвачены. Тебе лучше всего сейчас сдать. Будешь у меня овец пасти, я тебя хорошо устрою. – Он усмехнулся, не особенно скрывая улыбки.

– Возьми автомат за ствол, только медленно, и брось ко мне. Вот так... Ты, видно, еще пожить хочешь, поэтому и слушаешь меня. Ты умный, потому что старый.

С этими словами Артур повернул ко мне голову и распорядился:

– Серега, возьми еду и оружие.

Если пастухи и удивились, то не очень сильно. Я подошел ближе к костру, не сводя с них ствола автомата.

– Обыщи их.

Пистолета у пастухов не оказалось, и я отступил в сторону, в темноту, преодолевая дикое желание запустить руку в теплый пакет.

– Послушай меня внимательно, старик, – проговорил Артур, вставая на ноги. – Мы сейчас уходим в сторону Ингушетии, вон туда. – И он махнул рукой на запад. – Поднимемся выше в горы. Нам не нужны встречи с твоими боевиками. Если ты не расскажешь о нас, то, возможно, кое-кто из них останется жив. В плен мы сдаваться не собираемся, у нас полно гранат и патронов. Забудь о нас, я оставляю тебе жизнь. Договорились?

В ответ пожилой чеченец коротко и энергично махнул рукой. Что он хотел этим сказать, я так и не понял. Но Артур не стал выяснять.

– Ну вот и славно. – С этими словами мой напарник сделал несколько шагов назад и сказал: – Ходу, Серега.

Хорошо понимая, что теперь все зависит от нашей скорости, я молча шел вслед за темной фигурой. Как Артур видел в темноте и что, я не мог себе представить, но он ни разу не споткнулся. Обойдя широким полукругом стоянку пастухов, мы развернулись на девяносто градусов и спустились вниз, к руслу реки.

Ни он, ни я не разговаривали. Надо было беречь дыхание и ноги. Спустившись к дороге, Артур повернул голову и бросил вполголоса:

– Пойдем здесь. Сейчас ни один дурак не поедет. А если и поедет, то мы первые заметим его.

Так мы шли еще около часа. Тишина стояла вокруг, только цикады неистово трещали в густой, теплой от дневного солнца траве, слышался мерный шум воды, и какие-то шорохи, явно производимые мелкими животными, изредка заставляли меня вздрагивать.

– Привал сделаем там, – произнес напарник, внезапно остановившись и вглядываясь в противоположный берег реки, которая все время бежала рядом слева, по ходу нашего движения.

Утром я проснулся от легкого потряхивания за плечо.

– Подъем, капитан, – негромко проговорили рядом, и я вынырнул из беспокойного сна, в котором приснилось, как меня захватили в плен людоеды. Открыв глаза, я увидел уже слегка заросшее щетиной мятое и осунувшееся лицо собровца: – Подъем, пора идти...

Я с кряхтением поднялся и покрутил головой, оглядываясь. Ничего не изменилось. Все так же шумела речка внизу, и в ущелье уже готовилось заглянуть солнце из-за невысоких скал. Было свежо. Тело болело от неудобного лежания на ветках, которые мы нарубили ночью. Я потянулся, нагнулся и взял автомат.

– В Ингушетию, что ли? – вспомнил я вчерашний разговор.

– Да какая там Ингушетия! Туда неделю топать при хорошем раскладе, в нормальной одежде и снаряжении. Я просто так сказал, может, поверит... Давай отлей и пошли.

– А они нас не догонят? – задал я вопрос, принаравливаясь к неторопливому шагу напарника, – Я думал об этом всю ночь.

– Они про нас уже забыли.

Лица Артура я не видел, но мог бы поклясться, что он улыбнулся.

– Ты слышал, что он сказал?

– А этот дед не врет, как ты думаешь?

– Нет. Если это спланированная акция по всей Чечне, то нам хреново придется.

Я вздохнул, понимая, что сейчас, после массового и одновременного выступления боевиков по всей республике, во всех стратегически важных пунктах идет бой. И до нас действительно нет никому дела. Ни нашим, ни «ихним». Что ж, может, это и к лучшему.

Мы снова двинулись по склону, укрываясь в тени деревьев.

– Привал! – часа четыре спустя произнес напарник и остановился.

Я чуть было не толкнул его в спину, тут же сел на землю и поднял гудевшие ноги вверх. Идти в гору или с нее тяжело, не спорю, но вот двигаться по ней параллельно основанию – еще труднее. Надо все время удерживать равновесие, и ступни все время ставятся под неудобным углом. Я уже несколько раз падал, содрал себе кожу на правом бедре и безостановочно матерился, в сотый раз давая зарок, что никаким калачом меня в горы уже не заманишь. Если живой останусь, конечно...

Артур глянул на меня, сел рядом, сорвал травинку и с задумчивым видом начал жевать.

– Надо спуститься вниз и набрать воды. Авось пронесет... – Он имел в виду, что эту воду пить можно, она неопасна для здоровья, но через секунду оценил свой невольный каламбур и усмехнулся.

– Пронесет, конечно, еще как! – Сил улыбаться у меня не было.

– А может, и нет. – Теперь он уже стал серьезен. – Без пищи мы еще как-нибудь протянем, а вот без воды вряд ли... Я схожу, – принял он решение, – давай бутылку!

Забросив оружие за спину, Артур стал быстро спускаться к речке. Я посмотрел, как он аккуратно ставит ноги на камни, устало встал, подошел к дереву и положил ствол автомата в

развилку между ветками. Затем проверил прицельную планку – «сто метров, нормально», и навел мушку на поворот дороги. И вздрогнул от неожиданности, едва не выстрелив.

Запыленный старый «жигуленок» остановился прямо напротив того места, куда спускался Артур, и из него вылезли два человека.

«Вот и местные пожаловали. Нас ищут?»

Один был в джинсах, солдатской майке и с автоматом. Другой вышел без оружия. То ли они тоже собрались набрать воды, то ли увидели спецназовца – неизвестно. Только Артур пока их не заметил, они находились сверху.

«Что делать?! Блин, что делать?! Крикнуть Артуру? Нет, нельзя!!! Те и меня засекут, а так хоть я незаметен пока... Стрелять сейчас? Сразу? Зачем? А может, обойдется?!» Эти мысли метнулись у меня в мозгу и исчезли, оставив только пустоту в голове и внезапную мелкую дрожь в руках. И тут же я понял, что ничего не обойдется. Либо мы, либо они...

«Трусишь, сука!» – молчаливо сделало вывод мое сознание. «Ну конечно!» – ответил я сам себе, затем вздохнул, выдохнул, задержал дыхание и плавно подвел мушку прямо в пояс человека, стоявшего на пологом обрыве напротив меня.

Тот спокойно ждал, пока Артур приблизится к берегу, затем сложил ладони рупором и крикнул:

– Эй!!

Я на секунду скосил глаза вниз, на плотную фигуру в защитном камуфляже, которая только нагнулась к воде с бутылкой в руках. Артур поднял голову и сразу метнулся вправо, за большой камень. Кричавший ему несколько растерялся, я видел это (конечно же, он принял собровца за боевика, а кто тут мог еще находиться, по его мнению), затем опустился на одно колено и рывком сдернул с плеча автомат.

Я выстрелил. Человек на том берегу неловко опрокинулся на спину, сгибая под неестественным углом ноги. Так падает только мертвый. Я тут же перевел ствол на машину, выискивая взглядом второго. Другой боевик бросился к открытой дверце водителя. Дав ему добежать (я не хотел стрелять, пока он двигался, надо было брать упреждение, и я просто не мог спокойно рассчитать скорость его движения и внести поправку) и увидев его спину, я плавно потянул спусковой крючок. Автомат дернулся в моих руках, отдача привычно толкнула в плечо приклад, и грохот выстрела опять нарушил мерный шум горной реки. «За оружием бежал! – вдруг отчетливо понял я. – Вот что значит выходить писать без автомата...»

– Давай к машине!!! – заорал я в полный голос и бросился по склону вниз.

* * *

Артур добежал до нее первый. Сразу оценив ситуацию, он схватил за ноги первого убитого мной, поволок по дороге до края (я как-то сразу понял, что человек убит, такие вещи почему-то понимаются сразу, голова его волочилась по пыли, повторяя все впадинки и неровности грунтового покрытия) и рывком скинул его вниз, в неглубокий обрыв. Затем метнулся ко второму.

– Прикрывай! – заорал он мне, и я, перестав тупо следить за его действиями, сразу же опустился на одно колено возле переднего колеса, взял автомат на изготовку и стал судорожно прикидывать, что я буду делать, если появится еще одна машина. «Стрелять во всех подряд, что ли? А если там будут женщины и дети?» – «А ты как думал, браток? – внезапно спросил у меня в голове ехидный голос. – Будешь стрелять, если жить захочешь!» (Этот внутренний голос называют иногда голосом совести. Не знаю. Ничего совестливого в этом жестоком, но справедливом совете не было.) Решая эту мучительную проблему, я одновременно вознес короткую, буквально из нескольких слов, но очень горячую молитву. Я от души попросил всевышнего, чтобы в ущелье сейчас никто не появился. Затем снова сосредоточился и стал лихо-

радочно крутить головой по сторонам, держа палец на спусковом крючке. Не знаю, услышал ли бог меня или нет, но нам повезло.

Столкнув и второго, спецназовец сам внезапно прыгнул вниз. Я чуть было не заорал: «Ты куда?!»

– Я их спрячу сейчас, ты в машину садись! – повернув ко мне злое лицо, прокричал он на бегу.

Я сел на горячее от солнца старое раздавленное сиденье, затем опомнился, быстро вылез, бухнулся на пассажирское место и посмотрел на замок зажигания. Ключи были на месте. Я непроизвольно вздохнул.

Внизу, в обрыве, куда спрыгнул Артур, прозвучал выстрел. Я подавил в себе дикое желание выскочить и посмотреть, в чем дело. А через секунду сообразил: «Добил! Кто-то раненый был – второй, наверное». «А ты как думал, Сереженька? Перевязку им делать?» – снова возник голос у меня в голове, правда, уже без панических интонаций. «Так я и думал, – уже мрачно ответил я сам себе – мы на войне». – «Ну вот и умница», – похвалил меня мой инстинкт самосохранения и замолчал.

Артур запрыгнул на водительское место, положил автомат себе на колени и завел двигатель. Он тяжело дышал. Через секунду, глянув на щиток приборов, произнес:

– Закипели они, сволочи, поэтому и остановились!

– Едем, СОБР! Сколько протянем, столько протянем, не идти же за водой сейчас!

Спецназовец махнул рукой, мол, что будет, то будет, выжал сцепление, дал газу, и машина рывком дернулась вперед.

Километра через три под капотом послышался шум закипевшей воды, стрелка температуры качнулась к предельной отметке.

– Будем тянуть до упора, – процедил сквозь зубы Артур. Он все время поглядывал на датчик. Я пожал плечами. В конце концов, это не моя и не его машина, заклинит движок, так и черт с ним, хотя мне хотелось проехать бы побольше.

Нам встретились всего две машины, такие же раздолбанные и старые, как и наша, и битком загруженные каким-то вещами. Их водители снижали скорость при встрече и напряженно вглядывались в Артура, но тот вел себя непринужденно и даже один раз приветственно мигнул фарами.

Мы успели взобраться на небольшой перевал, и оттуда открылся великолепный вид. Лесистые предгорья плавно спускались вниз. Дорога тянулась по дну гигантской котловины, заросшей кустарником и густыми деревьями. Равнины еще видно не было, но она ощущалась вдалеке, прикрытая легкой светлой дымкой.

«Ближе, ближе к нашим! Хоть и далеко еще, а все равно ближе стали! – возбужденно подумал я и крикнул про себя: – Ура!»

Я загляделся и чуть было не ударился головой о стойку двери, когда машина сделала резкий поворот.

– Ты куда? – недоуменно воскликнул я.

– Там впереди село. Нам туда нельзя, – ответил Артур сквозь сжатые зубы.

Я ругнулся про себя и с уважением поглядел на своего напарника. Я размечтался и не увидел вдалеке скрытых зеленою крыш. А он заметил.

Мы свернули на плохо наезженную грунтовую дорогу, которая круто вела вверх. Проехав метров двести по траве и выступающим камням, Артур остановил машину. Бурчание воды в системе охлаждения достигло предела.

– Выходим!

Перехватив автомат поудобнее, я выбрался из машины и огляделся. Огромные валуны были разбросаны повсюду, и из травы выступали большие каменные языки. По склону везде виднелись заросли кустарника, который переходил в сплошной лес на макушке хребта.

– В селе могут быть боевики, раз федералы ушли отсюда. А значит, там у них посты на въезде и на выезде, – проговорил мой напарник, оглядываясь по сторонам.

– А эта что за дорога, как думаешь?

– По ней ездят местные за сеном и дровами, скорей всего.

Я молча ждал, пока он примет решение. В горах задачи по выживанию пускай решает он. Артур посмотрел на солнце.

– Сейчас часа два, три. Время пока еще есть. Надо уходить от машины подальше, – сказал он и раздвинул кусты.

«Когда же я спокойно буду по дороге ходить, а не рядом с ней», – мелькнуло у меня в голове, и я шагнул за ним, бросив последний взгляд на «жигуленок».

И остановился. Там лежал вещмешок. Нет, не на заднем сиденье. Иначе бы мы заметили его. Он был втиснут за спинкой переднего пассажирского кресла. Это был обычный солдатский потертый вещмешок, грязноватый, чем-то туго набитый и запыленный. С таким солдаты обычно ходят в баню, запихивая туда грязное белье для стирки. Мы его не заметили, потому что не осматривали машину. Некогда было.

Недолго раздумывая, я открыл дверцу, нашел лямку и дернул ее на себя. «Тяжелый, блин! Наверняка продукты и одежда!» – возликовал я, с размаху забросил его на плечо, поправил автомат и двинулся следом.

Солнце садилось, когда мы обогнули жилые строения и вышли по направлению к реке. Это была наша путеводная ниточка, и Артур старался не терять ее из виду. Мы двигались медленно, так как собровец подолгу замирал на месте и прислушивался ко всяким мало-мальски подозрительным звукам. Я понимал, что недалеко от села могут быть пастухи и прочий народ, по делам вышедший в лес.

Один раз мы услышали детские голоса и легли на землю. И нам, и им повезло. Дети прошли мимо, по нахоженной тропе, оживленно что-то обсуждая на родном языке. Думать о том, что придется их всех убивать, если они обнаружат нас, совсем не хотелось. Я заметил, как правая рука Артура потянулась к ножу на поясе, и тоже автоматически нащупал и поправил свой. «Нельзя стрелять здесь, могут услышать», – произнес кто-то равнодушно и отстраненно в моей голове и сразу же замолчал. Дикое напряжение продлилось всего около минуты, и мы двинулись дальше.

– Привал, – прошептал собровец и опустился на теплые камни. Мы вышли к воде. Артур разделся до пояса и начал умываться, а я сидел с автоматом и напряженно вслушивался в звуки медленно темнеющего леса. По моим прикидкам, село осталось километрах в двух выше по течению. Мы забрались в совсем уж глухое место. Берега были круты и полностью заросли непросматриваемой густой зеленью. Заметить нас можно было только с очень уж близкого расстояния. Мы с трудом нашли пологий песчаный откос, по которому можно было спуститься к воде. Вряд ли кто окажется здесь с наступлением темноты. Место было отличное во всех отношениях, кроме одного: тонкий комариный звон не умолкал ни на секунду. Тесные скалы ущелья не пропускали ветер. А ведь придется здесь ночевать...

– А это что? – спросил Артур вполголоса, когда я, в свою очередь, умылся и присел рядом с ним.

– Не знаю, в машине лежал. Может, там пожрать что-нибудь есть?

Против ожидания, мои ноги так уже сильно не болели, и я ощущал себя вполне сносно, только вот есть хотелось невероятно. Те несколько палочек шашлыка были съедены в первый же день. Смысла растягивать удовольствие не было, так как нам нужны были силы для движения. Когда мы двигались, озирались, затаивались и были готовы пулей встретить любую неожиданность, голод так не чувствовался. А вот сейчас дал о себе знать в полной мере.

– Ну, давай глянем... – Артур поднял мешок, крикнул, всмотрелся в тугую петлю на горловине, покачал головой и вытащил нож. Я сглотнул слюну и вытянул шею.

Он разрезал завязки, рывком раздвинул края, наклонил голову, заглянул, медленно выпрямился, посмотрел на меня с непонятым выражением и бросил вещмешок мне под ноги.

– Жалко, соли нет. А так бы хорошо перекусили.

Я тупо смотрел вниз. Из горловины упавшего вещмешка выпали деньги. Три пачки. Даже в наступивших сумерках я их хорошо разглядел.

Я с чувством, с толком и расстановкой, никуда не спеша, медленно выругал шепотом тех идиотов, которые вместо еды берут с собой никому не нужные в горах деньги (о том, что я их застрелил, как-то и не вспомнилось), нагнулся и поднял одну упаковку.

– Доллары...

– Наверно, полный мешок.

– Скорей всего. Не будут же их там рядом с жареной курицей класть.

Я затолкал пачки обратно в мешок и завязал его. Потом напился до упора воды, стремясь заглушить чувство голода. Я уставился на стремнину узкой, бурливой речки и лениво размышлял, почему вид этих денег вызвал во мне только досаду и раздражение. Честно говоря, я серьезно рассчитывал на консервы. Уж очень тяжеловат был мешочек... И что теперь с этими деньгами делать?

Прямо над нами в светлом небе, на фоне заходящего солнца, виднелась верхушка скалы с причудливым рельефом. Три остроконечных пика, словно нарисованный трезубец, накалывали на себя облако, один край которого был уже темный.

– Давай спрячем их здесь где-нибудь...

Артур уже устраивался на ночь, выковыривая из песка белые мелкие камни и аккуратно, без стука, складывал их рядом. Он готовил себе постель. Спать на траве в лесу мы не хотели. Уж очень много всяких мошек и мелких насекомых там водится.

Он присел на корточки перед мешком, сложил руки на коленях и задумался. Затем принял решение, качнул головой и поднялся.

– Прячь, если хочешь. Мне лень. – Артур неторопливо улегся и, растянувшись во весь рост, положил под голову охапку веток.

– А если с собой взять? А? – озвучил я внезапно пришедшую мне в голову мысль.

– Лишний груз... Ты его потащишь?

Нет, тащить мне такую тяжесть не хотелось. Этот мешок серьезно затруднял движение и отнимал много сил. Если б мне сказали – иди с этими деньгами неделю спокойно, никто тебя не тронет, и принеси их домой без проблем – пошел бы, не задумываясь, как и любой нормальный человек. Но вопрос о том, выберемся ли мы благополучно из этой передраги, еще никто не снимал.

– Ну давай тогда возьмем себе по пачке, что ли?

– Лучше не надо, – ответил после некоторого раздумья Артур.

Я и сам понял, почему не надо, только после того как задал этот вопрос. Если нас захватят в плен, то неизбежно возникнет вопрос, где мы взяли деньги. А как говорят у нас в следствии – правильно поставленный вопрос стоит долго... Скорей всего, нас начнут пытать, и мы были уже взрослыми людьми, чтобы не понимать, что долго мы не протянем. Не было мотивации долго тянуть... Деньги не наши, не заработаны тяжелым трудом, достались нам случайно. Так что пусть уж лучше полежат здесь. Ну, а если нас убьют, то нам они уже не пригодятся.

Я равнодушно смотрел на мешок с долларами и с удивлением впервые в жизни от души пожалел, что вижу деньги, а не еду. «Инстинкт самосохранения взял верх над жадной наживы...» – подумал я мрачно и усмехнулся.

Мы не задавали друг другу дурацкого вопроса: «А как ты думаешь, откуда у этих типов взялась такая сумма в машине?» Версий можно было придумать сколько угодно, но время тратить на это не хотелось. Меня мучил страшный голод. Артура, конечно, тоже.

В молчании я тоже улегся рядом с ним, обратив глаза к темнеющему небу. Самого заката я не видел, крутые скалы заслоняли горизонт, но первые звездочки уже появились над неровной линией горного леса.

Сразу заснуть не получится, хоть усталость и давала о себе знать. Да и не только физическая. Нелегко быть партизаном. Сейчас я хорошо понимал тех людей, которые с оружием в руках в годы Великой войны воевали против фашистов на территории, занятой ими. Постоянная предельная настороженность, натянутые нервы, недосыпание, невозможность расслабиться – это изматывает не меньше, чем долгий марш. А может, еще и больше.

– Вряд ли мы сюда вернемся, Серега... – тихо проговорил Артур. Он смотрел вверх и лениво отмахивался от комаров. Странно, но они его кусали меньше. Я поднял воротник куртки, опустил поля летней кепки и засунул руки в карманы.

Артур дежурил первый, но я знал, что мы оба будем напряженно вслушиваться в шумы ночного леса, выискивая возможную опасность, а потом я провалюсь в тревожный и прерывистый сон до тех пор, пока не подойдет мое время дежурства.

...Я не стал спрашивать, почему. Он подождал вопроса, подумал и все-таки счел нужным объяснить причину.

– Чечня уйдет... Ты же не дурак, видишь, что творится... За Дудаева весь народ, а за Россию единицы. В правительстве бардак, сами не знают, чего хотят, то перемирие заключают, то воюют. Грачев идиот, людей губит эта война непонятная. За что мы воюем? За наведение конституционного порядка? Тебе нужен этот порядок здесь? Мне тоже...

Я поднял голову.

– Да знаю я, знаю! Мы при исполнении, при погонах, надо было отказываться раньше, так было бы честно, – произнес Артур, предугадывая мои возражения. Затем вздохнул: – Ну да ладно, иди прячь, в самом деле, не возвращать же их обратно. Да и некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.